Руки моей не отпускай

Автор:
Татьяна Алюшина

Руки моей не отпускай

Татьяна Александровна Алюшина

Все началось во время бурана. Ася ехала на машине в Москву к заболевшему мужу и попала в эпицентр стихии. Выход один – переждать в ближайшем поселке. И вот по пути к нему Ася находит застрявший в сугробе джип, а в нем – мужчину на грани жизни и смерти. Что делать? Спасать, конечно, как умеет, все равно «Скорая» приехать не может. И начинается борьба со смертью, долгая и напряженная. Близкие пострадавшего, к которым Асе таки удалось его доставить, будут очень удивлены, узнав, кто на самом деле эта незнакомка-спасительница…

Татьяна Александровна Алюшина

Руки моей не отпускай

© Алюшина Т., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Зима

Конечно, ехать было глупостью, особенно под вечер, когда уже неотвратимо чувствовалось приближение ненастья, а в воздухе, в пространстве нависло какое-то особое напряженное ожидание, предвещающее нечто мощно-разрушительное, как часто бывает перед сильной бурей или грозой.

«Надо возвращаться», – снова с досадой подумала Ася, тревожно поглядывая по сторонам и констатируя про себя, что обстановочка за бортом ее машины становится пугающей. Фиговой становится, прямо скажем, эта самая обстановка-то.

Снегопад все усиливался, ветер наддавал так, что машину теперь постоянно приходилось подруливать, удерживая джип на дороге и ощущая буквально всем телом, как его довольно прилично сносит от каждого сильного удара ветра, в основном в левый бок. Видимость стремительно падала, и свет фар уже практически не пробивал крутящийся снежный вихрь, да и темень рухнула как-то в один момент.

– Вообще караул, что за карусель! – проговорила она вслух, чтобы хоть голосом как-то себя подбодрить, а то совсем уж что-то страшно стало. – Блин, как-то ни разу не весело. Где я хоть еду? – спросила себя Ася погромче и посмотрела на экран навигатора. – А поди пойми где… – постучала она пальцем по экрану.

Дикой силы вещь, бодрый помощник GPS показывал какую-то совершенно несусветную хренотень, уверяя, что ее машина в данный момент движется где-то в районе города Орла, и предлагал маршрут до Москвы в несколько сотен километров.

А вот не всё, видимо, ладно с американской системой навигации, не тянет она, забугорная красавица, когда сталкивается с русской зимой, так сказать «а-ля натюрель», тупит понемногу.

– «Да-а-а, умел Ваня завести, как говаривала жена Сусанина», – вспомнилась Асе, как нельзя кстати, фраза из какого-то КВН.

Ладно, пофиг на ту навигацию, сбиться с маршрута она не могла, потому что, вырулив на московскую трассу, так по ней и катилась, никуда не сворачивая, но хотелось бы, как говорится, знать наверняка, насколько далеко она таки успела

отъехать.

То, что надо возвращаться, стало совершенно очевидно практически сразу, как только Ася повернула с районной дороги на трассу, получив при этом маневре первый же сильнейший, вполне реально ощутимый напор ветра в бок машины, а потемневшее практически в момент до ночной черноты небо вдруг обрушило на землю снегопад.

Вообще-то приступ здравомыслия случился с ней даже не в тот момент, когда мощным порывом ветра повело по дороге джип, а гораздо раньше, еще до того, как она решилась вернуться в Москву на ночь глядя. Откровенно говоря, налаживаться куда-то ехать категорически не следовало изначально, особенно после штормового предупреждения, переданного по всем местным каналам телевидения и радиовещания, да и по центральным московским. По расчетам синоптиков, надвигающийся сильнейший циклон должен был накрыть столицу в ближайшие четыре часа.

Так то столицу – пока он до нее дойдет, а здесь стихия взяла да разбушевалась раньше и куда мощнее всех прогнозов синоптиков.

Но этот факт Асе пришлось осознать уже в пути.

Ехать ужасно не хотелось, да она и не поехала бы – с чего это, скажите на милость, ей вдруг бросать прекрасную компанию хороших друзей, в замечательном, прямо сказочном, месте и прерывать чудом выпавший отдых.

Но позвонил Сеня.

Охохонюшки-хо-хо. Вот Сеня позвонил… И началось.

Он стенал, увещевал, жаловался, взывал к ее состраданию и любви, напоминал про долг жены и говорил, что она его совершенно забросила, и обещал помереть в ее отсутствие от ужасной простуды, температуры и болей в сердце, брошенный один в квартире на произвол судьбы. Проигнорировав тот факт, что аккурат вчера капризничал ровно по противоположному поводу: что не хочет никуда ехать, тем более так далеко, и не желает ни с кем общаться, тем более с ее друзьями («что ему эти люди?»), и вообще он мечтает только об одном – остаться в одиночестве и побыть в тишине, которой, кстати, между нами говоря,

было у него и так вдоволь, а она может ехать, куда хочет, и не мешать ему наслаждаться покоем.

О-хо-хо еще раз.

Он капризничал, бурчал, уговаривал и настаивал, чтобы Ася немедленно приехала и спасла его от всего вышеперечисленного и от самого себя, скучного и одинокого, как старый брошенный сапог, и спасла от еще какой-нибудь напасти, которая непременно с ним случится, если она не приедет, потому что ему без нее фигово, а они и так практически не видятся…

И всё давно было Асе понятно про него и про эти его приступы вредности и капризы по случаю и без оного, и давно было пора что-то решать с их жизнью в целом, и даже ясно было, что именно решать. Но работая столько, сколько работала она, Ася катастрофически не имела времени не то что на какие-то там разборки, решения и осуществление принятых решений – но даже на саму жизнь, на собственные мысли и желания, она и спала-то часа по четыре в сутки. Какой уж там Сеня, хотя если честно, то она его действительно совершенно забросила.

И понятно, что его недомогание суть придуманный для самого себя и для нее повод покапризничать, сказавшись несчастным, лишний раз подчеркнуть, какая она нерадивая и равнодушная жена, и если в самом деле у него болело горло, то лишь слегка, а температура поднялась не выше тридцати семи, но он уже наверняка лежит на диване под пледом в полном соответствии с разыгрываемой ролью несчастного мужа, пьет правильный чай с имбирем, глотает аскорбинку и сам себя уговаривает и накручивает, что болен и вообще обиженный, брошенный муж, а она плохая виноватая жена.

О-хо-хошеньки в третий раз!

И попробуй ему откажи! Мозг он ей вынесет напрочь, это точно, предварительно изрядно помотав своими бесконечными разборками, обвинениями, выяснениями, нытьем и требованиями не пойми чего с туманным исходом в итоге.

Посвящать людей в свои внутренние семейные терки, втягивать друзей в их с мужем разборки, как-то неожиданно и исподволь ставшие уже привычными и чуть ли не нормой их жизни последние полгода, совершенно не хотелось, да и

не стала бы она никогда обсуждать такие вещи и рассказывать про Семена и их разлады семейные кому бы то ни было.

Но Ася прекрасно отдавала себе отчет, что отдых он им всем испоганит. В своих желаниях Семен неумолим и если решил, что ему всенепременно нужна жена прямо вот сейчас, то достанет всех – примется названивать бесконечно, а если она перестанет отвечать на звонки и выключит телефон, то он начнет звонить Игорю с требованием передать ей трубку. И это настолько никому не нужно, неловко и неудобно, и настолько испортит всем законный отдых, что проще было поехать и разбираться дома вдвоем, чем выдерживать Сенино доставание.

Вот она и решила.

– Ты с ума сошла? – обалдел от такого поворота Игорь. – Какое ехать, Аська? Там того и гляди сейчас буря начнется, вон все небо затянуло, штормовое предупреждение, ты до Москвы не доедешь, застрянешь где-нибудь по дороге, и кто тебя спасать будет? Не глупи, – ухватив за локоть, пытался остановить он ее. – Завтра поедешь, если все успокоится и дороги разгребут.

– Игорь, ты же знаешь, что будет, если не поеду. Он нас всех тут допечет, – скривилась Ася.

– Да наплевать, – отмахнулся Игорь. – Выключим телефоны, и пусть звонит, сколько хочет. Нельзя ехать, опасно, Аська, что за глупость несусветная! Куда тебя несет!

Он был прав. Да сто раз прав! И все это понимали, и Ася понимала в первую очередь, но… вот тогда уж точно будет плохо ее бедной головушке…

– Я проскочу, – неуверенно предположила она и пообещала более твердо: – Если пойму, что по-настоящему опасно, я вернусь. Обещаю.

– Ась? – с сомнением переспросил Игорь.

– Точно вернусь, – повторила она убежденно.

То, что возвращаться надо срочно, вот прямо сейчас, пока окончательно не занесло все дороги и еще существует возможность добраться до поселка, из которого она так неосмотрительно выехала, Ася поняла, повернув на трассу, и приняла это решение еще минут десять назад, но безопасно осуществить сам маневр разворота на дороге оказалось проблемой.

Практически в один момент видимость упала до нулевой, буря просто накрыла все вокруг, раскручивая снежный вихрь, как в сбесившемся миксере, и непонятно было, что там впереди: фары освещали лишь небольшой участок дороги – ни встречных, ни попутных машин вроде бы нет, да и за время, пока она ехала, их и было-то всего три, таких же ненормальных, как она.

Ну, а если есть? Если все же едет кто-то, а она не видит? Куда она развернется? В автомобиль на встречке? Или тормознет и получит «поцелуй» в зад – не видно же ни фига? Перспективка.

Вот попала-то!

Так, ну ладно, ругать себя и корить за глупость Ася не собиралась, да и не умела по жизни, ей всегда удавалось помнить, что угрызения неуместны, когда все уже случилось и лучшее, что можно сделать, это решать, как справиться с последствиями.

Вот с ними-то она и попробует справиться, с последствиями-то. А посему надо выбираться из этой кутерьмы, и желательно невредимой.

Ася, сбросив скорость совсем уж до минимальной, пригнулась к рулю, напряженно всматриваясь в снежные вихри через лобовое стекло, надеясь заметить какой-нибудь съезд, «карман» на дороге, развилку, где можно было бы более-менее безопасно развернуться, чтобы возвращаться.

Нет, не так! Чтобы немедленно возвращаться назад!

Если успеет…

В однообразном «пейзаже» из снежных росчерков обозначилось непонятное пятно, Ася придвинулась к рулю еще ближе, вгляделась в белесую кутерьму за

стеклом и рассмотрела что-то, темнеющее справа. По очертаниям было похоже на какой-то дорожный указатель…

– Ну-ка, ну-ка, – взбодрилась она и скинула скорость, притормозила практически под самым дорожным знаком, на котором было написано «Поселок «Снегири» и нарисована стрелка, указывающая поворот направо.

– Та-а-ак, – обрадовалась она. – Теперь понятно, где я нахожусь.

Она и запомнила-то название этого поселка, когда проезжала здесь еще в первый раз, потому что оно показалось ей симпатичным, уютным, вызвав добрую теплую ассоциацию – «Снегири», здорово же. Помнится, она тогда еще представила себе картинку, как с открытки: солнечный денек, заснеженные поля под ярко-голубым прозрачным морозным зимним небом, голый куст, а в нем разместилась стайка красногрудых снегирьков, громко чирикающих, гомонящих о каких-то своих важных птичьих делах…

– О важных делах… – задумчиво протянула Ася, пытаясь поймать мелькнувшую, как озарение, мысль. – А вот не стану я возвращаться, – озвучила она ее.

Там впереди по трассе, за этими самыми Снегирями, расположено большое село Красногорское. Вернее, село неправильным квадратом раскинулось по двум крутым и на самом деле красивым (в соответствии с названием) берегам речки, одним своим краем упираясь в московскую трассу, проходящую через мост над рекой. К другому же, противоположному ребру этого квадрата, вдалеке, примыкало частное фермерское хозяйство, с полями и лугами, тянущимися от большой усадьбы к далекому лесу и теряющимися где-то за холмами.

Село было пригожим, с добротными домишками и участками, с великолепной старинной церковью и высокой колокольней, да и зажиточным, судя по внешнему виду. На трассе, почитай на окраине села, находились: крупный супермаркет одной из известных торговых сетей, хозяйственный магазин, парочка придорожных кафе, небольшая гостиничка, автомойка с шиномонтажом, аптека, рыночные лотки, на которых торговали местные бабульки, и симпатичный магазинчик того самого фермерского хозяйства.

Ася каждый раз, когда проезжала мимо, обязательно останавливалась и накупала кучу всяких натуральных продуктов и вкусностей. Когда ехали из

Москвы, она, под неизменное ворчание Игоря, что и так у родителей всего с избытком, не слушая его, набирала деликатесов, а возвращаясь обратно, закупала натурпродукт и везла домой и друзьям.

Вот и подумалось ей сейчас, что никуда она уже не доедет, все, кирдык! Какая Москва! Где-то там, за бурей-вьюгой, в ста километрах отсюда, словно манящий, обманчивый мираж, недоступна, как немцам в сорок первом.

Но и назад уже не поворотить. Без вариантов. Приехали! Все, аут.

Так что дочапает она потихоньку, осторожненько до того благополучного Красногорского – тут всего-то с километр-полтора – и заночует в гостинице. А если не будет свободных номеров, то у местных жителей наверняка можно найти приют на ночь, все-таки какая-никакая, а цивилизация, люди.

И, приняв такое спасительное решение, Ася облегченно выдохнула и откинулась на спинку сиденья. И только теперь поняла, как была напряжена все это время до такой степени, что мышцы спины свело. А она ведь реально испугалась.

Не так, чтобы прямо ой-ой-ой и все пропало, но сильно.

И было чего пугаться – она вполне отдавала себе отчет, что запросто могла застрять на дороге и… А вот что «и…» – неясно, но точно мало приятного, и последствия могли быть самыми фиговыми.

Так что не поедет она сегодня дальше села Красногорское.

«Нас невозможно сбить с пути, нам по фигу куда идти», – произнесла рассеянно она цитатку в адрес принятого решения.

Ладно, вздохнула поглубже, немного успокоилась. Надо ехать, а то и на самом деле врежется на дороге в какой-нибудь свежий сугроб, уже наметенный бураном, и пиши пропало. И, кстати, что-то других участников движения она уже минут так двадцать не наблюдала – катила одна по дороге.

– Люди-то поумней всяких шалых столичных дамочек будут, – поворчала на себя Ася, начиная плавно, осторожно выруливать с обочины на трассу. – По домам

сидят у теплых печек, а не тащатся хрен знает куда.

Вдруг она заметила справа какой-то проблеск, какой-то неправильный луч света, чудом пробивавшийся сквозь снежную мглу, отчего-то привлекший ее внимание.

– А это что еще такое? – недовольно спросила Ася, старательно всматриваясь в снежную круговерть, и снова сбросила скорость до минимальной («крадущийся трактор» – так однажды обозвал Игорь подобную манеру движения ее джипа).

И совсем притормозила, остановилась, оказавшись аккурат на повороте на те самые уютные Снегири, пытаясь разглядеть и понять, что в том еле различимом луче света ей не понравилось.

На дороге, ведущей к поселку, в нескольких метрах от поворота угадывался размытый темный силуэт машины, скорее всего джипа, – не легковушки, неподвижно стоявшей у левой обочины, и куда-то в поле, в беспросветную тьму светила одиноким лучом его правая фара.

– Ну, что с тобой там такое, что? – мгновенно ужасно расстроилась Ася, понимая, что там точно случилась какая-то авария, потому как стоит автомобиль на встречной для него полосе, а двигался он, похоже, в направлении поселка, да вот, видать, не доехал, и ей теперь придется съезжать с трассы и проверять, что за беда стряслась с пассажирами.

Конечно, беда, при делах-то таких! Разве будет просто так машина стоять с включенными фарами, уткнувшись в сугроб!

– Ну, мать моя конная армия! – раздосадованно стукнула она по рулю. – Нет, ну вот же … – и вздохнула недовольно, включила поворотник, и проворчала, смиряясь с неизбежным: – При твоем-то везении, чего еще ты ожидала, Ася Константиновна.

Тем же макаром – в режиме «крадущегося трактора» – она свернула на проселочную дорогу и осторожненько, не торопясь, подъехала к замершему автомобилю, постепенно приобретавшему более четкие контуры. Впечатление было такое, словно надвигался на нее потерпевший бедствие корабль, покинутый командой, которая бросила свое судно на произвол разбушевавшейся стихии.

И стало понятно, отчего светит только один луч – машина, и в самом деле оказавшаяся мощным джипом, зарылась левым крылом по самую фару в остановивший ее сугроб.

Ася, подъехав вплотную к чужому транспортному средству, нервно побибикала в режиме нетерпеливого понукания типа: «Ну что, открывайте, хозяева, тут помощь нежданная образовалась!»

Никакой реакции в ответ не последовало.

«А ты ожидала, что двери откроются и кто-то весело махнет рукой, мол, проезжайте, проезжайте, мы тут просто сидим и целуемся!» – поворчала она мысленно, расставаясь с робкой надеждой на быстрый и легкий исход.

– Ну, она же ты самая, конная армия! – возмутилась Ася, принимая неизбежное. – Придется как-то выбираться.

А что делать? Подписалась же вроде как помочь, или что? Не помочь, так посочувствовать?

Да бог знает! Проявить участие, не мимо же проезжать, делая вид, что не заметила!

Еще разок тяжко вздохнув, она нахлобучила на голову шапку, что лежала на соседнем сиденье, надвинула ее поглубже на уши, вытащила смартфон из держателя, сунула его в карман дубленки, отстегнула ремень безопасности и, распахнув дверцу, выбралась наружу.

Мать честна! Святые угодники и иже с ними! Какое безобразие творится-то, о господи!

Дверцу чуть не вырвало, хоть она и вцепилась в нее двумя руками, порывом ветра, и обдало таким холодом, что у Аси тут же и как-то отчаянно безнадежно заледенели пальцы в перчатках, а снег победно забивался под полы незастегнутой дубленки.

И стало сразу же везде зябко, холодно, а душе неуютно… А вокруг… – она огляделась, повертев головой по сторонам, – чернота непроглядная, снежный буран и никого… жуть!

Ася наклонила голову против ветра, надвинула шапку еще поглубже, запахнула полы дубленки, застегнула ее на все пуговицы, прошла к застрявшему джипу и открыла пассажирскую дверь.

Не, команда определенно не покидала сей «корабль». Правильней сказать не команда, а командир.

И в данный момент этот самый командир, навалившись грудью на руль, находился явно в бессознательном состоянии.

– Эй, мужчина, – позвала Ася с откровенным сомнением в голосе и, встав на высокую подножку, дотянулась до него через сиденье и потрясла, ухватив за рукав куртки. – Вы там как? Вам плохо?

Хорошо ему или плохо – было трудно сказать, на ее призывы и попытки общения незнакомец никак не отреагировал.

В который уже раз тяжко-безнадежно вздохнув, Ася забралась внутрь машины, захлопнула за собой дверцу, отсекая метель от герметичного теплого нутра автомобиля, и, развернувшись к водителю, сунулась выяснять, что там с ним.

– Мужчина! – позвала она еще раз и посильней потрясла его за плечо.

Реакции не последовало.

Ася встала коленками на сиденье, ухватила водителя за куртку и, приложив усилие, откинула его корпус с руля на спинку, сдернула с руки перчатку и полезла к нему за воротник – проверить пульс, пытаясь понять, жив ли вообще товарищ или как?

И замерла, оторопев, почувствовав рукой пышущий жар. Она почувствовала пальцами, что температура у водителя запредельная, выше сорока! И он жив, но потерял сознание.

– О господи! – перепугалась Ася и повторила еще раз: – О господи! – и спросила неведомо у кого, наверное, у того, к кому обратилась в растерянности и тревоге: – И что делать? – и чуть не взвыла от досады. – Делать-то что?! – Тут же, разозлившись, одернула себя, пресекая пустое паникерство. – Что-что! Мужика спасать, что еще!

Она сунулась еще раз к нему, прижала к пылающей, как печка, шее пальцы, прощупав пульс. Хреново! Все хреново! Гражданин без сознания, пылает высоченной и, совершенно определенно, критической температурой, затрудненное, сиплое дыхание, пульс ненормальный – у него счет идет на минуты!

– Блин! Блин! Блин! – от бессилия и растерянности выругалась она.

Что делать-то, как спасать человека?! Нужна «Скорая помощь»! Но какая в этой фигне на улице к хренам собачьим «Скорая помощь»?!

– Подожди, подожди, – вдруг пришла ей в голову позитивная мысль. – Сообщить-то надо и помощь попросить!

Торопливо и от суетливости бестолково, не сразу попав рукой в карман, Ася вытащила из дубленки телефон и нажала экстренный вызов. Как-то долго ничего не происходило – не слышно было никаких звуков соединения или гудков вызова – ничего, тишина вселенская, да и только.

И она сообразила, что номер-то у нее московский, а звонок автоматически переведут на местную службу спасения, которая находится в ближайшем райцентре.

«А где у них тут ближайший райцентр? – вдруг подумалось ей. – Как далеко-то?» Но додумать эту мысль она не успела: в трубке вдруг прошел неуверенный, прерывистый гудок, за ним следующий, такой же робкий и неустойчивый, а за ним еще и еще и… Гудки шли и шли, но отвечать на ее призыв никто не торопился.

– Да в яремную вас всех жилу! – возмутилась Ася, все посматривая с нарастающей тревогой на мужика, тяжело, с хрипом дышащего рядом.

– Служба сто двенадцать… – раздался прерывистый голос в трубке, оператор дежурно представился и поинтересовался: – Что у вас случилось?

– Девушка! – заорала Ася в трубку. – Я нахожусь на московской трассе на съезде к поселку Снегири, недалеко от села Красногорское! Здесь мужчина в машине без сознания, у него температура выше сорока градусов, затрудненное дыхание и повышенное сердцебиение! Требуется срочная госпитализация!

– Сколько лет? – спросила оператор.

– Не знаю, – призналась Ася и присмотрелась к мужику.

Сколько ему может быть лет? Фиг знает. Ну, на вид… Ася взглянула на болезненное, лихорадочно горящее лицо… Лет пятьдесят – где-то так, может, и больше, а может, и меньше.

– Около сорока! – назвала она приблизительную цифру.

– Имя, фамилия, место жительства? – продолжала опрос диспетчер.

– Девушка! – вдруг в один миг успокоилась Ася, как всегда с ней бывало в критических ситуациях, и заговорила четким ровным тоном: – Я не знаю этого человека, ни его имени, ни места жительства. Он ехал в своей машине, видимо, потерял сознание, но сумел остановиться. Тут я его и нашла. Это достаточно молодой и, судя по всему, весьма обеспеченный человек. У мужчины пограничное состояние, близкое к летальному. Если в ближайшее время ему не оказать помощь – он умрет. «Ближайшее время» – значит, в течение часа, а то и меньше. Я понятно изложила ситуацию?

На том конце помолчали и ответили совсем иным, не дежурно-протокольным, а вполне нормальным тоном:

– Женщина, к сожалению, к вам не сможет выехать бригада, – и уже с искренним сочувствием, по-человечески сожалея, пояснили: – Особым распоряжением московская трасса закрыта для проезда, объявлен оранжевый уровень опасности, в городе целая серия тяжелейших аварий и несчастных случаев. Все машины на выезде. Сейчас к вам не сможет выехать даже МЧС. Постарайтесь

довести больного до ближайшего населенного пункта и окажите ему всю возможную помощь. Как только дороги будут открыты, мы вышлем к вам машину. Это все, что я могу обещать.

– Я поняла. – Ася прикрыла глаза от нахлынувшего чувства холодной безнадеги и попросила: – Вы все же запишите вызов, пометьте его красным и передайте по смене, пожалуйста. Связывайтесь со мной по определившемуся номеру телефона. Меня зовут Ася Константиновна Волховская.

– Да, да! – торопливо пообещала девушка. – Я все передам и запишу.

– Запиши, запиши, – задумчиво пробурчала Ася, нажав отбой. – Так, и что мы имеем? – спросила она, судорожно перебирая варианты. – Что же мне с тобой делать-то, а? – посмотрела она на пылающего жаром незнакомца… – «Мужчина около сорока лет»?

Надо отвезти его в Красногорское, там есть аптека, если она, конечно, работает в такую погоду. А в аптеке Ася уже сможет оказать мужику первую помощь, да и аптекарши-фармацевты помогут.

Тогда что делаем для осуществления плана? Что-что-что? Надо переставить свою машину, чтобы не мешала выехать из сугроба и развернуться, и как-то перетащить мужика на пассажирское место.

Ася торопливо ухватилась за ручку дверцы, немного засуетившись от ясного осознания крайней критичности ситуации. Человек умирает!

– Спокойно, спокойно, – одернула она себя, осознав, что мелет от напряжения всякую ерунду, и распахнула дверцу.

На нее сразу же набросился снежный вихрь, ударил в лицо, словно наждаком прошелся по коже, проник внутрь машины, мгновенно наметая снежные кучки по углам. Ася спешно выбралась на дорогу и, захлопнув за собой дверь, побежала к своей машине.

«А как уведут мою красавицу?» – затревожилась было она, притираясь боком к обочине, и усмехнулась. – «Ага! Кто? И как? Лихие люди с берданкой и

отмычкой?»

– Ладно, – погладила она примирительно машинку по торпеде, – прости, дорогая, но придется тебе здесь постоять.

Развернувшись корпусом, ухватила за ручки свою сумку на заднем сиденье и перетащила к себе. Так, что еще? – осмотрелась вокруг. Еще вот бутылка воды непочатая в держателе на дверце, дамская сумочка со всем важным – ее она затолкала в большую дорожную сумку поверх вещей, так, телефон здесь – хлопнула она по карману – все. Все!

И, непроизвольно вздохнув и задержав дыхание, выскочила наружу, быстренько захлопнула за собой дверь, пиликнула сигнализацией, запирая джип, и побежала ко второй машине.

Забравшись в салон, завалилась на пассажирское сиденье чужого джипа, сразу же закинула сумку назад и развернулась к мужчине.

Нет, она его просто так не сможет перетащить, осознала Ася, осмотрев бесчувственное тело с точки зрения поставленной задачи. Мужчина был довольно высоким и крупным, не толстым, скорее мускулистым и к тому же находился в бессознательном состоянии.

– Так, так, так, – лихорадочно обдумывала она проблему. – Как же тебя перетащить-то, мил человек? – и ответила сама себе: – Попробуем по-другому.

Она снова выскочила на дорогу, обежала машину и с трудом открыла дверцу со стороны водителя. Дверь даже наполовину не открылась – уперлась в сугроб, но Ася примерилась – пройдет, протиснется точно.

Бочком, в неудобную раскорячку, забралась на высокую подножку и принялась толкать мужика с места.

– Давай, дорогой, – приговаривала Ася, отдуваясь от натуги. – По-нем-но-гу… – толкала она его и остановилась. – Уф!

Не, не пойдет такой метод. Она его, конечно, сдвинула, но ненамного. И тут ей в голову пришла одна мысль.

– Так! Попробуем по-другому.

Она выскочила наружу, зачем-то сдернула со второй руки перчатку, сунула в карман и загребла снега, снова бочком, стукаясь коленками, враскорячку поднялась на подножку и «умыла» лицо незнакомца снегом.

Не ожидая немедленного результата, снова сунулась на улицу, загребла еще снега, опять влезла на подножку и, разделив пригоршни пополам, одну половину втерла ему в лицо, а вторую, наклонив его голову вперед, растерла по шее. И похлопала незнакомца по щекам, затормошила.

– Давай! – призывала она его. – Немного совсем, чуть-чуть очнись! Помоги мне!

Мужик застонал, глаз не открыл, но что-то в его бессознательном состоянии явно изменилось.

– Давай! – прокричала Ася, изо всех сил подталкивая его вперед. – Пересядь! Двигайся на соседнее сиденье! Давай, дорогой! – толкала она его.

Мужик что-то слабо простонал и сделал какое-то невразумительное движение телом. Ася толкала, он сдвигался, скорее все же не поняв, а интуитивно сообразив, что от него требуют, и большой, неповоротливой куклой перекатился на бок через ручку скоростей и подлокотник, остановившись на этом.

– Ничего! Ничего, – подбодрила его и себя Ася. – И так нормально. Я сейчас!

И, соскочив с подножки, побежала вокруг машины.

– Я здесь. Я здесь! – сообщила она ему, словно он мог что-то слышать и понимать и прямо заждался-таки ее.

Она вцепилась в его куртку двумя руками, уперлась ногами под коробкой скоростей и принялась перекатывать, подтягивая его к себе. Кое-как, не с первой попытки, но ей удалось-таки затянуть тяжелое бесчувственное тело на

себя, правда, ноги остались еще на той стороне.

А это не страшно, это ерунда! Ася спешно выбралась из машины на подножку, пятясь назад и еще немного таким приемом подтянув мужика на сиденье, захлопнула дверь, снова перебежала к другой стороне, залезла на водительское сиденье и, отдуваясь и тихо поругиваясь сквозь зубы, принялась перекидывать его ноги на пассажирскую сторону.

И в этот момент зажужжал, заелозил сдвигаемый по торпеде вибрацией смартфон хозяина машины, находящегося в данный момент все всяких зон доступа, издавая какую-то знакомую мелодийку.

Ася, застигнутая врасплох неожиданным звонком, замерла в самой непрезентабельной позе – отклячeнная попа уперлась в дверцу, корпус где-то под рулем, а в руках – нога мужика, которую она, сгибая в колене, переставляла через коробку передач.

Доведя начатое дело до конца, перекинув-таки и пристроив ногу, Ася распрямилась, сдвинула на затылок шапку, съехавшую было на самый нос, выпрямилась, усевшись на сиденье, выдохнула и взяла продолжавший взывать к ответу телефон в руку.

«Вера» лаконично и простенько был обозначен абонент, так терпеливо и настойчиво пытавшийся соединиться с обладателем смартфона. И Ася провела пальцем по экрану, активируя связь.

– Василий Степанович! – прозвучал взволнованный, испуганный женский голос. – Вы где? Сказали, что подъезжаете, и нет вас и нет!

– Вера! – перебила женщину Ася. – Человек, которому вы звоните, не может сейчас ответить.

– Почему?! – прокричала, ужасно перепугавшись, женщина.

– Он без сознания, – ровным голосом растолковала Ася и предупредила дальнейшие истерические выяснения, задав куда более насущные в данный момент вопросы: – Скажите, Вера, куда ехал… эм-м… – запнулась она на имени.

– Василий Степанович? – подсказала ей женщина.

– Да, он, – подтвердила Ася.

– Домой, – отрапортовала взволнованная Вера и уточнила: – К себе домой.

– И где его дом?

– В Снегирях.

– Так, – протянула Ася, осмысливая информацию.

– Что случилось с Василием Степановичем? – нервно выспрашивала женщина, определенно готовая расплакаться.

– Скажите, – проигнорировала Ася ее вопрос, – как далеко от поселка до выезда на московскую трассу?

– Около километра.

– Прямая дорога или придется плутать и сворачивать?

– Прямая, прямая! – поспешно заверила ее женщина, смекнув, куда клонит незнакомка. – Не заплутаешь! – и поинтересовалась с надеждой в голосе: – Вы его привезете?

Так, размышляла торопливо Ася, не слушая собеседницу, куда лучше ехать? В аптеку, оно, конечно, правильней, все-таки препараты необходимые будут. Ну, а если аптека закрыта? Вполне реальная возможность: такой буран, местных жителей наверняка отпустили с работы по домам пораньше, что она тогда с больным будет делать? В гостинице устраивать? И дальше что?

Или лучше к нему домой? Про стены оно все понятно, но есть ли у него там хоть какие-то медицинские препараты, способные помочь?

Ах ты ж, господи!

Она ведь совершенно ясно отдавала себе отчет о последствиях своего неправильного выбора. Ася повернула голову, посмотрела на мужика, словно ждала от него подсказки, поддержки, и решилась.

– Так! – перебила она продолжавшую что-то причитать в трубку женщину. – Слушайте меня внимательно, Вера. На дороге ничего не видно, вообще ничего, ехать я буду, как летчик во тьме – «по приборам», поэтому вы будете меня вести. Поняли?

– Поняла, поняла! – заторопилась та, проявляя горячую готовность помочь в чем угодно.

– Значит, поехали, – распорядилась Ася, подбодрив скорее себя, и, включив громкую связь, сунула смартфон в держатель на панели. – Вера, если вдруг разговор прервется, вы снова наберете номер. Я вам позвонить не смогу, – объяснила она своему «диспетчеру».

– Обязательно!

Мысленно помолившись и попросив помощи у всех, кто там наверху может им помочь, Ася пристегнулась ремнем, включила заднюю передачу и медленно, осторожно двинула машину назад. И ничего страшного – спокойно выехали из сугроба без проблем и натуги – хороший агрегат! Серьезный, что ему какие-то сугробы.

Она остановилась, переключила передачи, коротко перекрестилась, посмотрела на мужчину, который все так же неподвижно полулежал не в самой удобной позе на соседнем сиденье – ну уж как смогла, извини, мужик! Протянула руку, нащупала пульс у него на шее, ставшей еще более горячей, как ей показалось.

– Потерпи еще чуть-чуть, – попросила она его шепотом.

– Что? – прокричала Вера в трубке, не разобрав слов девушки.

– Я спрашиваю, – сказала Ася, – дорога въезжает в поселок или как?

– Нет, нет, – заторопилась объяснять собеседница, – дорога идет дальше, до хутора Терентьева, а к нам налево. Сначала увидите забор – такой красивый, бетонный, в нем – проезд налево, шлагбаумом перекрытый, это к нам.

– Вера, какой на фиг забор, тут в паре метров уже ни черта не видно! – возмутилась Ася.

– Тогда ищите шлагбаум на въезде! – неожиданно почти прокричала Вера, словно пыталась продраться через мглу и снежные вихри. – И смотрите свет от фонаря у сторожки! Он всегда там горит, не ошибетесь! И въезд прямо у дороги, рядышком!

– Так, хорошо, – продолжала выяснять Ася. – А после сторожки со шлагбаумом куда?

– Сразу за сторожкой направо! – выкрикнула женщина в ответ (видимо, от нервов). – Прямо метров триста и налево немного между улицами, метров с пятьдесят, может, больше и еще раз направо до конца улицы. Мы на выселках, особняком стоим! Приметный такой дом! Крайний!

– Вера! – раздраженно повысила голос Ася. – Ни хрена не видно, какой там дом к такой-то маме! Хоть направо, хоть налево!

– А как же тогда? – растерялась «проводница».

– Фонари горят? – сдержала свое раздражение Ася.

– Да не очень, – засмущалась женщина. – Где-то на поворотах горят, а у нас нет, и на улице нашей не горят.

– Вот что, Вера, хоть костер там зажигайте у ворот, но соорудите мне ориентир! – командирским тоном распорядилась Ася.

– Зажжем! Щас что-нибудь зажжем! – повеселела Вера и прервала связь.

– Энергичная дама, – проворчала Ася.

Понятное дело, что никакого забора она не увидела, а вот тусклый свет фонаря все же сумел пробиться через снежное месиво и буран. Ориентируясь по нему, Ася и подъехала к самому шлагбауму, благополучно закрытому, как и полагалось. Она посигналила долго и настойчиво и подумала, что если сейчас не откроют, вот не пожалеет себя, выйдет и так обматерит этих сторожей, что у них…

Шлагбаум, дрогнув всем своим полосатым телом, резко поднялся вверх.

Так, дальше направо, проехав мимо домика охранников, повернула она осторожно, в соответствии с инструкциями. А вот про то, что дорога пойдет немного вверх, Вера забыла упомянуть. Ну, не на Эльбрус же, поднимемся! И Ася чуть прибавила оборотов.

Запел телефон в держателе.

– Да, – отозвалась она.

– Мы зажгли! – прокричала в трубку довольная Вера. – Теперь точно не ошибетесь! Ворота распахнуты, мы тут стоим, – и спохватилась: – А вы где?

– Поворачиваю налево… – делая поворот, объяснила Ася и, пригнувшись к рулю, всмотрелась вперед, – ага, вижу поворот на вашу улицу, – и, повернув направо, поделилась надеждой: – Хочется думать, что на вашу, а не куда-то в другую сторону.

Нет, не в другую, как выяснилось. Видимость стала немного получше – фонари над крыльцом и окна некоторых домов светились, как маяки в море, хоть ненамного побеждая черноту штормовой ночи.

– Кажется, все-таки на вашу, – взбодрилась Ася и прибавила скорости.

Сквозь снежный буран виднелись нечеткие контуры последнего дома, где на первом этаже светились окна. На участке горели фонари, а у распахнутых ворот стояла простая железная бочка, внутри которой полыхал огонь, и на фоне его сполохов были заметны силуэты трех человек, активно размахивавших руками, как терпящие кораблекрушение пассажиры при виде подоспевших спасателей.

– Все, приехали, – выдохнула Ася, чувствуя, как ее немного потряхивает от отпустившего напряжения. – А вот расслабляться рано, – напомнила она себе, заезжая в гостеприимно открытые ворота.

И выскочила из машины в буран, обежала спереди, распахнула пассажирскую дверцу и, перекрикивая ветер, заторопила подбежавшим к ней двум мужикам и женщине:

– Быстрее! Быстрей!

И закрутилось. Понеслась гонка на выживание.

Мужики вытащили больного из машины, Вера подхватила его за ноги, закопошились немного, перехватив поудобней, и понесли торопливо в дом. Вбежав на крыльцо, Ася распахнула входные двери и, заскочив в прихожую, подталкиваемая в спину сильным порывом ветра, прокричала уже по инерции:

– Где его спальня?

– На втором этаже! – выкрикнула в ответ женщина, тоже, видимо, по инерции.

– Нет! – покрутила головой Ася. – Далеко, неудобно! – и мгновенно что-то придумав, спросила: – Большой стол есть? – И уточнила: – Длинный?

Мужики и Вера, державшие Василия Степановича со всем возможным в данной ситуации почтением, вдруг застыли, уставившись на Асю, ожидая дальнейшего руководства к действиям.

– Есть! – кивнула Вера. – В столовой.

– Туда несите! – приказала Ася.

И, торопясь, стянув с себя шапку и дубленку, на ходу бросила их в какое-то кресло.

– Так что, Степаныча на стол класть, что ли? – с сомнением поинтересовался один из мужиков – тот, что выглядел постарше и посолидней.

– Нет, сначала надо его раздеть! – командовала Ася и развернулась к женщине. – Вера? Я правильно поняла? – та кивнула. – Так, Вера, несите пододеяльник какой-нибудь или простыню плотную и небольшие махровые полотенца.

Та смотрела на нее с какой-то обескураженной тревогой и надеждой и кивала на каждое сказанное Асей слово.

– Бегом! – напомнила ей Ася.

– Да-да! – всплеснув руками, спохватилась женщина и убежала.

А Ася присоединилась к мужчинам, помогая раздевать безвольного хозяина (по всему было понятно, что этот мужик здесь хозяин). Куртку долой, ботинки, отчего-то влажные, и совершенно простенький дешёвый свитер, почему-то надетый на голый торс, что с мимолетным удивлением отметила про себя Ася, тоже долой. Помощники уже стянули с него джинсы и носки, и один спросил с сомнением:

– Все?

– Нет. Трусы тоже снимайте, – распорядилась Ася.

– Да… как же… – засомневался, стушевавшись, второй помощник – тот, что помоложе. – Неудобно же потом Степанычу будет, и непорядок так-то мужику голым… – И кашлянул в кулак от неудобства.

– Для того чтобы ему стало неудобно, ему для начала надо бы выжить, – жестко пояснила Ася.

– Да как же это? – ахнул от неожиданности тот, что выглядел постарше.

– Вот! – ворвалась в кухню Вера с охапкой белья в руках.

– Быстро! – снова поторопила всех Ася. – Стелите на стол! Мужики, снимайте с него белье и переносите! – и сама ухватила бесчувственное тело за одну ногу. – На раз, два, три! Взяли!

Вместе они переложили Василия Степановича с кресла, на котором торопливо его разоблачали, на стол, и Ася продолжила командовать дальше:

– Вера, градусник несите!

– Да здесь он! – Вера побежала на кухню, отделенную от столовой выступом стены, которая условно разделяла пространство кухни и столовой на две зоны, ринулась к одному из шкафчиков, чем-то там грохнула деревянным, видимо, приложив слишком много усилий, и тут же примчалась обратно.

Ася сунула градусник под мышку распластанному на столе больному и, придерживая его руку, спешно раздавала указания:

– Так, Вера, вы в лекарствах разбираетесь? – и, увидев растерянное лицо женщины, торопливо пояснила: – Ну, знаете, какие от поноса, какие для желудка и от давления? Вы тут вообще медикаментами пользуетесь?

– А-а! – обрадовалась женщина простоте вопроса. – Пользуемся, конечно, я знаю, какие от давления, у меня самой часто подскакивает. Я знаю, что от живота и от суставов.

– Очень хорошо, – порадовалась Ася. – Тащите все, что есть, от простуды, кашля, насморка, если есть что-то в ампулах для уколов – тоже несите! И фонендоскоп, если есть.

– Что? – не поняла женщина.

– Трубка, которой доктор слушает больного, – показала на пальцах девушка.

– А! Есть, – кивнула с готовностью женщина. – Я давление себе и всем в доме меряю. Это все здесь, в кухне! Рядышком! – порадовалась она.

– Давайте, – напутствовала Ася, – и аппарат для давления тоже несите. – И повернулась к мужикам, неподвижно стоявшим в явной растерянности и готовым мчаться и выполнять все, что скажут, лишь бы помочь. – Так, вы. Несите два таза. – И уточнила на всякий случай: – Есть тазы-то в хозяйстве, небольшие?

– Есть-есть, – прокричала Вера из кухни. – В бойлерной, Петя, стоят, в большом желтом тазу!

– Я мигом! – обрадовался мужик – тот, что постарше, и ринулся выполнять поручение, нахлобучивая на ходу шапку.

– В один из тазов снега наберите! – дала еще одно задание Ася, вытаскивая градусник. Взглянув на шкалу, она почувствовала, как ледяная волна холодного отчаяния и испуга прокатила по спине, а от лица и рук отхлынула кровь. – Твою… – и судорожно втянула в себя воздух.

Сорок один и восемь десятых градуса!

Сорок один и восемь!

Он сейчас просто…

– Вера! – проорала Ася. – Быстрей!

– Я здесь! – прибежала из кухни женщина, перепуганная насмерть внезапно изменившимся голосом и тоном незнакомки, и плюхнула на стол возле хозяина небольшую плетеную корзину с медикаментами, которые торопясь накидала из ящика.

Ася, ничего не говоря, быстро пересматривала упаковки.

– А вот эти ему доктор нынче прописал. – Вера протянула маленький полиэтиленовый пакетик с медикаментами.

– Он болел? – Ася, сведя брови, спешно изучала содержимое пакета.

– Да, три дня уж как разболелся. Температура за тридцать семь, знобило его, подкашливал, слабость какая-то навалилась, – торопливо выкладывала Вера, с почти детской надеждой внимательно всматриваясь в лицо незнакомой девушки. – В город, к знакомому доктору съездил, тот сказал, что похоже на вирус, велел постельный режим соблюдать, вылежаться несколько дней и вот это все прописал. – И посетовала, пожаловалась: – Только куда там лежать! Два

дня помаялся в постели и на диване, а сегодня поехал по делам к Тарасу, – и вдруг шмыгнула носом и пустила слезу. – А там мальчишки у старого моста под лед провалились, ну он и кинулся вытаскивать. Вытащил, он же такой мужчина – правильный, толковый. Промок – на животе же ползал по мокроте, чтобы их выловить. Пацанов с родителями сам и повез в райцентр в больницу, только свитер вот и дали ему переодеть родственники мальчишек. А с больницей там все затянулось. Я ему говорю: останьтесь в городе-то, вон уж надувает как, глядишь, совсем засыплет дорогу, да и штормовое объявили. У наших детей можно остановиться, переночевать, они только рады будут – и обогреют, и подлечат, и обиходят. А он – нет, поеду, говорит, дома болеть лучше. А сам уже и сипел, совсем ему, видать, худо стало.

Ася слушала, не перебивая, продолжая перебирать препараты.

– Ага! – наконец нашла что-то приемлемое, выхватила из кучи упаковок одну, выдавила три крупных таблетки себе на ладонь и, протянув Вере, посмотрела ей в глаза, произнесла, отчеканивая каждое слово: – Вера, как можно быстрее размельчите таблетки в кофемолке, залейте теплой водой в кружке и несите. – И глядя той прямо в глаза, произнесла с нажимом: – Очень быстро, Вера. Понимаете?

У женщины изменилось лицо, когда она осознала, о чем именно говорит эта девушка и что подчеркивает этим своим пугающим тоном. Она схватила таблетки и унеслась в кухню, где что-то сразу же загромыхало, упало, полетело, звеня по кафелю…

– Вот! – ворвался в столовую мужчина по имени Петя и потряс двумя цветными тазами, сложенными один в другой, верхний из которых был заполнен снегом. Из кухни раздалось жужжание кофемолки.

– Он что, умирает? – вдруг подал голос второй мужик – тот, что помоложе, который так и стоял все эти минуты молча, не напоминая о себе и не мешая.

Лицо его сделалось испуганным и растерянным, он смотрел на Асю, как ребенок смотрит на взрослого, ожидая, что тот прямо сейчас убедит его, что жуткая сказка, которую ему прочитали и показали, это все ерунда и глупость несусветная, потому что ничего такого в жизни не бывает и быть не может, и бояться нечего.

И переспросил, не сводя расширившихся от потрясения глаз с Аси:

– Василий Степанович что, умирает?

– Как?! – прохрипел старший и тоже испуганно посмотрел на девушку.

– Да, – коротко ответила она, – умирает. У него температура, не совместимая с жизнью. – И, сжав на мгновение зубы до боли в челюстях, до желваков на скулах, произнесла, чеканя каждое слово: – Но мы попробуем его вытащить.

– Нет! – громко и твердо сказал Петр и швырнул на пол тазы, так что снег из верхнего вывалился на кафель. – Ты не пробуй, девушка дорогая, ты вытащи! А мы поможем, ты только скажи, как и что делать! Все сделаем! – и пояснил душевно: – Никак нельзя, чтобы Василий Степанович помирал, никак нельзя. Он знаешь какой человек… – сжав кулак, Петр потряс им, и засверкали влагой его глаза… – Он мужик какой…

– Вот лекарство! – примчалась решительная Вера, протягивая девушке чашку.

– Так! – сказала Ася и… полезла на стол, села, как-то по-особенному подогнув ноги, приподняла и пристроила голову больного на своих согнутых ногах таким образом, чтобы удобней было его поить, приоткрыла ему рот рукой и маленькой струйкой принялась понемногу вливать лекарство – вольет, как-то так ловко откинет его голову, что он непроизвольно глотает, подождет и снова вливает, попутно, не отвлекаясь от своего занятия, раздавая поручения.

– Вера, наберите один таз теплой воды. Теплой, – подчеркнула она, бросив короткий взгляд на женщину, – не горячей. А во второй таз со снегом налейте холодной воды. Так, нужны еще тряпки или чистые кухонные полотенца, штук семь. – И спросила: – А банные принесли?

– Принесла, – отрапортовала женщина.

– Хорошо. Несите воду.

– Я мигом, – кивнула с горячей готовностью Вера и позвала: – Петь, помоги!

– Как вас зовут? – Ася посмотрела на второго мужичка, который неуверенно топтался все на том же месте, не зная, куда себя деть.

– Михаил, – представился тот.

Она кивнула и нашла поручение и для него:

– Михаил, надо открыть здесь окна – не распахивать, а открыть на режим форточки. Слишком тепло для вашего Василий Степановича, ему бы похолодней.

– Понял! – закивал тот, обрадовавшись, что может быть полезным и что-то сделать, и ринулся с энтузиазмом и шумно распахивать окна.

Поторапливаясь, мелко семеня, держа перед собой полные тазы воды, вернулись к столу Вера с Петром, все обвешанные полотенцами, Ася к этому моменту закончила процедуру вливания лекарства вполне удачно и слезла со стола.

– Так, – произнесла она свое любимое слово-паразит, которое всегда появлялось в моменты сильного волнения, вытащила из стоявшей рядом с мужиком на столе корзины с медикаментами фонендоскоп и строго распорядилась: – А теперь – тихо!

И сосредоточившись, приставила трубку к груди, начав прослушивать легкие больного. Что там слушать! Что слушать! Там и без фонендоскопа было все слышно!

– Поверните его на бок, – отдала приказ Ася.

Вся троица кинулась выполнять распоряжение и почти нежно повернула мужика на бок.

– Хрипит! – ужасалась Ася, понимая всю тяжесть ситуации. – И не просто хрипит – у него там все хлюпает!

Она махнула рукой, мол, опускайте, прикрыла глаза и потерла ладонью от виска к виску.

Пипец полный! Она его не вытащит! Не вытащит!

Нужны сильнейшие противовоспалительные, нужны антибиотики, и лучше напрямую через капельницу и прямо сейчас! Нет, даже не сейчас, а еще несколько часов назад! Мужик реально совсем плох! Совсем! Не просто плох, он на самой грани – ближе к…

То, что у него двусторонняя пневмония, это очевидно, но какая?! Немедленно необходим стационар, требуются экспресс-анализы, чтобы выяснить тип пневмонии и классифицировать возбудителя. Проще говоря, необходимо понять, какой из типов вирусов вызвал пневмонию! Немедленная диагностика!

И мощнейшее лечение тоже немедленно! Ни в каких домашних условиях остановить этот процесс невозможно!

Она не пульмонолог и не терапевт, чтобы диагнозы ставить, но, похоже, что у него стремительно развилась гнойная пневмония, тогда это… это всё тогда, безнадежней чем в холодной прозекторской!

Хотелось долго и со вкусом материться от бессильного отчаяния или истово молиться, прося Бога о помощи… Ругалась она крайне редко, а истовость была совершенно не свойственна ее характеру, в сложных и критических ситуациях Ася предпочитала действовать, а не стенать. Хотя, похоже, сегодня именно тот случай, когда нужно и ругаться, и молиться, и действовать, иначе…

Она так и стояла, прикрыв ладонью глаза, а трое… кого? – друзей, родственников, членов семьи или помощников по хозяйству? – какая разница, трое людей, со всей очевидностью любивших этого человека и уважавших его, затаив дыхание, смотрели сейчас на нее в ожидании чуда, отказываясь предполагать самое страшное.

И в повисшей, давящей тишине раздавалось хриплое, надсадное неровное дыхание мужчины, лежавшего голым на столе.

«На хрен! – уперто ругнулась про себя Ася. – В балалайку все тульскую! Потом будем пугаться и думать о гранях там всяких и исходах плохих, и ужасаться, и охать, что чуть не померли тут все скопом, а сейчас…»

Она вытащила из рук замершей в ступоре Веры небольшое махровое полотенце, намочила его в теплой воде и принялась тщательно обтирать бесчувственного мужчину, начиная от шеи. Протерла один раз, намочила и протянула полотенце Петру:

– Продолжайте, – и обратилась к женщине: – Вера, теперь что мы делаем с холодной водой – мочите полотенца и после того, как протрете его теплой водой еще раз, повернете на бок и сделайте так же со спины дважды. Потом вы накладываете компрессы вот сюда: на голову, – показала она места на теле, – под мышки, вот сюда на паховую область и по икрам ног. Пять минут ждете, снимаете компрессы и снова начинаете протирать теплой водой и спереди, и со спины. Потом опять накладываете холодные компрессы. Это понятно?

– Да, – синхронно кивнули все трое, всматриваясь ей в лицо.

– Хорошо, – похвалила их Ася и вздохнула. – А я пересмотрю вашу аптечку, и мне надо подумать, что предпринять дальше.

«Что предпринять?» – мучил ее вопрос, пока она быстро перебирала упаковки с препаратами – обычный, почти стандартный набор для любой семьи: всякие шипучие противогриппозные, отхаркивающие, жаропонижающие, а из свежих – тех, что куплены на днях, было только противовоспалительное, но довольно слабенькое, и никаких антибиотиков.

Она вернулась к столу, где в атмосфере сосредоточенного молчания сбивали температуру Василию Степановичу трое друзей-соратников.

– Придется ехать в село, в аптеку, – оповестила их Ася и усмехнулась невесело. – Хотя проехать наверняка уже невозможно.

– Аптека сегодня не работает, – ахнула Вера и от испуга прижала ладошку к губам, а на глаза ее тут же набежали слезы, и, покачав скорбно головой, объяснила: – Закрыли, когда снег пошел. Там, на трассе, все позакрывали, и магазины тоже, что ж людей-то держать в такую страшную погоду.

– Погодь, Вер Пална, – вдруг взбодрился Михаил. – Ангелина-то тут живет, у нее, может, дома лекарство какое найдется.

– А точно! – взмахнул руками Петр и поспешил пояснить Асе: – Ангелина Викторовна – это аптекарша наша, ну заведующая аптекой, что на трассе стоит, она ее и построила. Ну не она сама, а для нее, по ее идее. Она здесь, у нас в поселке, живет, недалеко, через три дома на соседней улице. Так у нее может быть любой препарат.

– А позвонить ей можно? – ухватилась за призрачную надежду Ася.

– Можно, как нельзя-то! – громко затараторила Вера Павловна. – У нас телефоны всех соседей в книге записаны! Мы сейчас! – и понеслась на кухню.

А ведь ей тоже не мешало бы кое-кому позвонить, проконсультироваться, сообразила Ася. А то развела тут самодеятельность, понимаешь.

А где ее телефон? В дубленке, вспомнила она. А дубленка?

Любимая дубленочка нашлась в кресле у входа. На экране высветилось сообщение о трех пропущенных вызовах от Сени и одном от Игоря. Так странно, подумалось ей, что где-то там идет какая-то совсем другая, размеренная и знакомая жизнь. И эти звонки были словно из какой-то другой, параллельной реальности, кажущейся сейчас из этого дома, где умирает человек, совершенно искусственной. Отогнав от себя эти неуместные рассуждения, она набрала номер мужа.

– Ася, ты где? – несколько раздраженно, но, надо отдать должное, все же напряженно-обеспокоенно спросил он. – С тобой что-то случилось?

– Я попала в буран и застряла в одном селе. В нем и заночую.

– В какой буран? В каком селе? – негодовал муж.

– Тут буран начался раньше, чем его обещали, а я уже выехала, вот и попала, хорошо я возле села большого была. Тут и останусь.

– Оставайся, разумеется, и не вздумай ехать, если опасно! – забеспокоился он за нее без всяких дураков и игр и попенял, не удержался: – Зачем вообще поехала, раз у вас там уже начиналась непогода!

– Семен, – с нажимом напомнила она ему, зачем, собственно, и почему поехала.

– Да подумаешь! – тут же рассердился он. – Что, я первый раз вредничаю и первый раз мне «вожжа под мантию попала»! Херня все! Да и наплевала бы, раз такие дела.

– Все, Семен, мне надо идти, я не могу сейчас говорить. Позвоню утром.

И нажав отбой, тут же набрала Игоря.

– Аська! – проорал тот гневно. – Ты совсем сдурела?! Мы уже думали, что ты убилась в этой снежной буре гребаной! Что с тобой, ты где? Жива? В порядке?

– Я в порядке, Игорь, – спешно уверила она. – Попала в самый буран, застряла возле Красногорского, в поселке Снегири, тут и заночую. А скорее всего на пару дней зависну, судя по тому, что творится за окном. Устроилась нормально, не беспокойся.

– Аська… – замолчал от возмущения Игорь. – Я просто не знаю, что сказать и как тебя обругать, дурынду такую! Я со страху чуть не поседел тут весь!

– Все, Игорь, завтра поговорим, – потухшим голосом отрезала она.

– У тебя точно все в порядке? – забеспокоился Игорь, уловив непонятные интонации в ее голосе.

Ася посмотрела через комнату на мужчину, неподвижно лежавшего на столе, вокруг которого суетились двое его друзей (или подчиненных? – она так и не выяснила их статус), и вдруг что-то словно ёкнуло внутри, будто иголкой укололо…

– Все в порядке, – устало заверила она и прервала разговор.

Не могла больше. Снова потерла ладонью лицо, выдохнула решительно, сбрасывая мимолетный болевой морок, и, отыскав в телефонной записной книжке нужный номер, набрала.

– О, Аська! – услышала она знакомый женский радостный голос. – Объявилась, пропажа ты моя!

– Ну, про мой график ты все знаешь, – не смогла не улыбнуться в ответ, хоть и устало, Ася и сразу же переключилась на дело: – Инга, мне нужна твоя консультация.

– Заболела? – напряглась Инга.

– Не я. Тут такая канитель произошла…

И она коротко описала, в каком состоянии нашла человека в машине на дороге, описала картину заболевания, про три дня недомогания и вынужденное купание в проруби, все симптомы и показатели, высказала надежду на соседку-аптекаршу, у которой могли найтись дома какие-нибудь препараты, и спросила:

– Что можно предпринять?

– А ничего, Ася, – безжалостно и сухо отрезала Инга. – С такой клинической картиной и симптомами он у тебя умрет в ближайшие часы, если не минуты. – И пожурила с досадой: – Зря ты вписалась в эту историю. Вот вечно ты во что-нибудь влезешь!

– Инга! – почти взмолилась Ася. – Ты думай, а не приговор выноси!

– Да что тут думать?! – раздраженно бросила подруга, окончательно расстроившись. – Что найдешь, то и давай, а лучше – коли, а еще лучше – капельницу с антибиотиком поставь. – И она назвала несколько возможных препаратов, спросив в конце: – Не забыла еще, как капельницы ставят? Справишься?

– Забудешь такое, – вздохнула Ася. – Руки помнят. Ну, а если не будет препаратов?

– Тогда делай что можешь и жди помощи. А вернее всего начинай молиться, говорят, помогает, – разозлилась Инга, помолчала и добавила устало: – Но напрасной надежды не питай, Аська, сама все понимаешь. И держись там.

– Держусь, – шепнула Ася уже замолчавшей трубке.

Посмотрела невидящим взглядом в окно, вздохнула, повернулась… и натолкнулась на острый, изучающий взгляд Веры Павловны, стоявшей у нее за спиной.

– Что, нет надежды? – спросила та строгим тоном, и в этот момент она неожиданно показалась Асе собранной и сильной женщиной, лишь ненадолго растерявшейся от беды.

– Надежды нет, когда человек уже умер, Вера Павловна, – устало ответила Ася. – А ваш Василий Степанович еще жив. Так что поборемся.

– А ты борись, девочка, борись! – с нажимом строго сказала женщина. – Не сдавайся, и мы все бороться будем и поможем тебе. Ты только вытащи его, Христом Богом тебя прошу.

– Ну, что там с телефоном аптекарши? – на тяжком вдохе спросила Ася.

Кто-то сегодня на небесах определенно был за Асю и помогал ей, или расстарался из всех своих последних сил ангел-хранитель Василия Степановича…

Ангелина Викторовна оказалась женщиной сердечной, отзывчивой и, что самое главное, запасливой. Да и без счастливой случайности не обошлось, если так можно назвать чужую беду. У мамы аптекарши на днях случилось обострение хронического бронхита, и Ангелина Викторовна начала ей колоть курс антибиотиков нового поколения, рекомендуемых к применению для лечения именно легочных заболеваний благодаря некоторым компонентам, входящим в состав их формулы.

Узнав из сбивчивого, несколько истеричного рассказа Веры Павловны о тяжелой ситуации, в которой оказался сосед, Ангелина Викторовна сразу же согласилась поделиться ампулами нового препарата и шприцами к ним, да и система для капельницы у нее нашлась и еще кое-что из противовоспалительных средств.

Миша сгонял к дому соседки, преодолев почти непролазные сугробы на «Ниве», которую, как объяснила Асе Вера Павловна, они использовали для хозяйственных нужд и разъездов, наотрез отказавшись садиться за руль хозяйского джипа, так и стоявшего посреди двора.

Протираниями, компрессами и влитым в него жаропонижающим температуру у Василия Степановича удалось немного сбить, почти на один градус – до сорока целых и семи десятых, и Ася, испытав робкую надежду после разговора с соседкой-аптекаршей, распорядилась перенести больного на кровать в его спальной комнате.

А тут и Миша подоспел, аккурат когда они закончили «эвакуацию» хозяина. Ну и снова завертелось – Василия Степановича продолжали обкладывать холодными компрессами, даже когда Ася, с тщательной предосторожностью, но аккуратно и точно поставила ему капельницу. Но тут, как водится по законам полного попадалова – «не понос, так золотуха» – случилась иная напасть: появились симптомы обезвоживания организма, и Ася с ужасом выяснила у Веры Павловны, что сегодня больной вообще ничего не ел и не пил.

– С утра отказался, говорит, ничего в горло не лезет, Вер Пална. Я ему, ну хоть чайку горяченького попей, а он только отмахнулся и уехал.

Ну, это-то вообще ни в какие ворота! При простудных-то легочных заболеваниях и никакой жидкости в течение дня?! Такое ощущение, что они тут все бредят. По-умному надо бы срочно еще одну капельницу засандалить, но нужного раствора нет. Да и системы для капельницы тоже, так что… ну, Василий Степанович… вот так бы и… не знаю что! Был бы в сознании, она ему устроила бы, а так пришлось лишь головой качать обескураженно.

– Клюква у вас есть? – крайне недовольно спросила Ася.

– Есть, есть. А как же! – поспешила уверить ее Вера Павловна.

– А блендер?

– И блендер есть, – закивала та.

– Клюкву в блендер до половины чаши, залить горячей водой, чтобы покрывала ягоду, но не кипятком. Перемолоть, процедить через марлю, добавить столько же горячей воды, меда, и несите – будем срочно поить.

– Сейчас все сделаю! – вскочила с места Вера Павловна и убежала исполнять.

– Петр, – обратилась Ася к старшему из мужчин, – простите, а как вас по отчеству?

– Романович, – представился тот и слегка поклонился.

– Очень приятно, – улыбнулась ему Ася. – Петр Романович, надо бы машину с улицы убрать, в гараж загнать. Закрыть все и, наверное, проверить хозяйство, не знаю, я не специалист по загородной жизни, но снегопад все усиливается и, видимо, валить будет всю ночь. Наверняка что-то требуется делать в таких случаях.

– Оно конечно, – кивнул тот, и Миша тоже закивал, молча стоя за спиной у товарища. – Дела важные есть. Только Степаныч – это в первую очередь.

– Вы идите, делайте, что требуется, мы уж с Верой Павловной пока тут справимся, – отпустила она мужиков.

Те переглянулись, снова кивнули, соглашаясь, и ушли, а Ася занялась компрессами.

Мужчина все еще горел опаснейшим жаром и был без сознания, там где-то, в небытии, в другой неведомой реальности. Лицо его было напряженным, щеки запали и горели лихорадочным больным румянцем, он хрипло дышал открытым ртом, и губы его побелели и пересохли до бумажной хрупкости.

Что-то было в этом мужчине такое, что Ася не могла бы объяснить словами, но он определенно вызывал интуитивное уважение к себе, даже находясь в бессознательном, тяжелом состоянии…

Бог знает, но то ли от напряжения и усталости, то ли от безысходности и четкого осознания той очень тонкой грани, отделявшей этого человека сейчас от

смерти, которую перевалить, перейти хватило бы легкого дуновения, одно мгновение она испытывала странные, необъяснимые чувства к этому человеку.

Ася вздохнула, сняла с его лба нагревшееся полотенце, прополоскала в тазу с ледяной водой, обновленной уже третий раз за это время, отжала и положила обратно на его лоб.

– Ну, как же ты так, Василий Степанович, неосторожно-то? – пожурила она сердобольным тоном, словно какая-то деревенская бабонька. – Как довел-то себя до такого края?

Вздохнула, естественно, не получив ответа, вытащила полотенца у него из-под мышек, прополоскала, отжала и положила назад. А вот над его пахом ее рука чуть замерла, остановившись на мгновение…

И только сейчас, в эту самую минуту она посмотрела на него и увидела настоящим, истинным женским взглядом – а мужчина-то… такой… мужчинистый мужчина, оказывается. Как же она не отметила этого раньше? Так занята была его спасением, что ни о чем другом не размышляла, даже инстинкты отключились.

И никакие ему не пятьдесят, а гораздо поменьше, и фигура хорошая… такая фигура дельная, мышцы видны натуральные и честные без накачек стероидных. И его мужской орган…

– Вот клюква! – чуть запыхавшись, забежала в комнату Вера Павловна.

Ася хмыкнула, поджав на секунду-другую губы, сдерживая ухмылку в адрес своих беспокойных женских мыслей, сильно неуместных в данный момент. Сняла компрессы с паховой области больного, бросила их в таз и снова начала отдавать распоряжения:

– Давайте будем поить. Я покажу вам, как удобней держать голову больного.

За полчаса им удалось влить в него около половины литра клюквенного морса, и вроде бы дыхание у больного стало немного поспокойней. Или просто им этого очень хотелось, вот и обманывались?

– Ну, как он? – отчего-то шепотом спросил Петр Романович, чуть ли не на цыпочках проходя в комнату.

– Мне кажется, что получше, – прошептала в ответ Вера Павловна.

И они посмотрели на Асю, ожидая подтверждения этого чуда, как бедные дети на елке в богатом доме ждут с неистребимой надеждой своих подарков. Ася тяжко вздохнула и разъяснила реалии, безжалостно разбивая иллюзии:

– Да, малюсенькое улучшение есть: нам удалось добиться того, что температура упала на градус. По крайней мере, перестала держаться на смертельной отметке. Но это ничего не значит. Ничего, – жестко повторила она. – Помогли обтирания, жаропонижающие и капельница, но улучшение может носить временный характер, организм слишком ослаблен, да к тому же был обезвожен, пусть и непродолжительное время, но в его состоянии это очень плохо. Текущее положение таково, что в любой момент может начаться ухудшение – слишком стремительно развилась его болезнь. Эта ночь все решит – если он справится, то позволим себе осторожный оптимизм. Будем дежурить возле больного ночью и наблюдать. Есть какие-нибудь вопросы?

– Да, – обстоятельно кивнул Петр Романович и посмотрел на девушку – Как вас зовут? И как вы сумели найти Василия Степановича?

– Ох ты ж господи! – всплеснула руками Вера Павловна. – А действительно же! Мы даже не спросили, как вас зовут!

– Зовут меня Ася, – чуть улыбнулась она, – а Василия Степановича я обнаружила случайно. Отдыхала в гостях у друзей за городом. Но потребовалось срочно вернуться домой в Москву, я рискнула поехать. Буря началась намного раньше, чем прогнозировали синоптики, и застигла меня прямо на трассе. Я случайно увидела свет фар стоявшей в сугробе машины, подъехала узнать, не нужна ли помощь. – Она глубоко вздохнула и выдохнула. – Оказалось, что нужна, и еще как. Вот так и нашла вашего Василия Степановича.

– А вы медсестра? – спросил из-за плеча Петра Романовича подошедший Миша.

– И это тоже, – туманно ответила Ася и, обведя всех троих взглядом, вспомнила о своей роли боевого командира. – Вы идите отдыхать, лучше постараться

поспать. Вера Павловна подежурит первой, где-то до часу ночи. Потом я ее сменю, на самые тяжелые часы, где-то до четырех, а потом кто-нибудь из вас заступит. Я объясню, за какими симптомами надо особенно внимательно присматривать.

– Нет, – вдруг решительно возразила Вера Павловна. – Сейчас мужчинам объясните, что и как надо делать и за чем присматривать, они и посидят, подежурят. А вас я отведу в комнату для гостей, размещу самым лучшим образом, Асенька, со всеми удобствами, вещи ваши занесем, душик примите, переоденетесь, если надо. Сами небось натерпелись страха, когда в бурю-то въехали, а тут еще и Степаныч наш попал в беду. И я вас обязательно накормлю как следует, у меня ужин-то давно готов.

– Душ – это замечательно, – почти мечтательно протянула Ася, сразу же почувствовав, как безбожно устала, вымоталась и как ей ужасно, прямо нестерпимо хочется смыть с себя и усталость, и страх под горячей водой. И улыбнулась: – И поесть тоже было бы хорошо.

– …нет, говорит, сам съезжу, что тут ехать-то, – прихлебывая чаек из большой кружки, рассказывала Вера Павловна. – Дорога московская, она же раньше через центр села проходила, по мосту двухполосному, а лет сорок назад закатали новую серьезную трассу и мост новый поставили по околице, на четыре полосы. Теперь там все ездят, а этим, старым, только местные пользуются. И это хорошо, удобно, из наших Снегирей прямая дорога в поселок идет, не надо на трассу ехать. А через мост и поселок, так до фермы Тараса километра два будет. Вот Василий Степаныч и говорит – что ж мне менеджеров к нему посылать, сам съезжу, проявлю уважение. Они вроде как приятельствуют, не то чтобы дружат, но хорошо, с уважением друг к другу относятся. Вон церковь нашу и колокольню вместе восстанавливали, и средства выделяли, и по субботам не гнушались с людьми вместе на стройке работать. Обстоятельные, дельные мужчины. Он там и Мишу нашего подобрал, когда тот прибился к церкви-то. У него с памятью плохо, не помнит, кем был и кто он, только имя. Вот его Василий Степанович и забрал к нам жить и помогать в хозяйстве.

– Это хорошо, это они кругом молодцы, – чуть подтолкнула ход беседы Ася, чувствуя, что ее откровенно срубает, аж глаза закрываются, так разморило после душа да от сытного ужина и пахучего горячего чая. – Но как он в прорубь-то попал?

– Так я ж говорила, – с энтузиазмом рассказывала женщина. – Мальчишки, двое, в прорубь ухнули. Они в хоккей ватагой играли, а у нас там в одном месте, возле берега, глубокий омут есть, редко когда замерзает, да и то чуть-чуть ледком возьмется и только на сильных морозах. Вот один в запале игры и провалился под лед, а дружок кинулся выручать и следом за первым пошел. Василий Степанович едет, смотрит: что за дела такие? Мальчишки на льду кучей столпились недалеко от полыньи и орут перепуганно, на помощь зовут. Ну, он скатился с дороги к речке поближе, а как пацанов в проруби увидел, так и уж не думал ни о чем, выскочил на лед, только куртку скинул. На живот упал, чтобы самому под лед не сигануть, подполз к полынье и одного за другим и выволок. В машину посадил и быстро домой к одному из них доставил. А там и родители второго мальчика на шум прибежали. Мальчишек переодели, Степанычу тоже предложили, но он отмахнулся: джинсы сзади сухие, и обувь сильно не промокла, только свитер с футболкой и поменял и снова за руль и в райцентр покатил. Оттуда мне позвонил, чтобы мы тут панику не подняли. Звонит, а голос осипший, уставший, выезжаю, говорит. Я уж его увещевать, говорю, Василий Степанович, докторам там покажитесь, больны же, и чего ехать-то к вечеру, у детей моих переночуйте, погода портится и предупреждение по всем каналам передают. Да куда там, – горестно вздохнув, махнула она рукой. – Домой, говорит, приеду, ждите. Вот и дождались, – скорбно вздохнув, закончила она свой рассказ и спросила, заглядывая Асе в глаза: – Что за болезнь у него-то? Простуда такая сильная?

– Да нет, не простуда. Совершенно очевидно, что это тяжелая форма пневмонии, причем стремительная. Но дело в том, что у пневмоний существует несколько разновидностей, то есть их вызывают разные вирусы, и лечить их требуется несколько разными методами. Нужен точный диагноз, чтобы понимать, от чего и как лечить, а поставить его могут только в стационаре, сделав анализы. Вот такие дела.

– Вот незадача, – вмиг расстроилась Вер Пална. – А как же нам тогда быть? Как лечить-то его и узнать, какая у него эта самая форма с разновидностью-то?

– Смерть, как известно, лечит все формы и разновидности заболеваний, а лучшая диагностика – это вскрытие, – угрюмо пошутила Ася, потерла лицо ладошкой, вздохнула совершенно устало и повинилась, заметив растерянный взгляд собеседницы: – Извините, Вер Пална, это я что-то от усталости говорю всякое. Мы просто будем делать то, что сможем, и спасать вашего Василия Степановича, как сможем. Все, я прямо-таки отключаюсь, – сдалась Ася. – Пойду посплю,

совсем меня сморило что-то.

– Конечно, конечно! – торопливо подскочила с места Вера Павловна и засуетилась: – Идите, Асенька, отдыхайте. Намучились же как и страху натерпелись. Я вас провожу.

– Нет, нет, – сказала девушка. – Сама дойду, – и напомнила со всей строгостью, на которую еще была способна: – Но в два часа меня обязательно разбудите. У вашего Василия Степановича могут начаться серьезные осложнения и судороги, температура-то больше не падает, а вы сами с этим не справитесь.

Поднимаясь на второй этаж, где ей отвели одну из гостевых комнат, Ася размышляла над сложившейся ситуацией: температура у больного опустилась до сорока и трех десятых градуса, да так и застряла на этой отметке. Плохо это, очень плохо. Но больше ничего в данный момент сделать невозможно, чтобы помочь ему, кроме, разумеется, чудесного появления «Скорой помощи» лучше на стремительном вертолете, который эвакуирует пациента в больницу. И прямо в город Москву.

А пока планетяне и смелый боевой МЧС не прилетели для спасения, им всем остается только одно, самое трудное и неприятное, – ждать и наблюдать за динамикой болезни.

Ася заснула, еще не коснувшись головой подушки, как в черный омут рухнула, в тот самый, что под тонкой обманчивой ледяной коркой реки, и, как ей показалось, тут же, буквально через пару секундочек, проснулась, почувствовав, как ее кто-то почти нежно трясет за плечо.

– Асенька, вы просили вас разбудить, – прошептала, склонившись над ней, Вера Павловна извиняющимся и жалеющим голосом.

– Что? – сощурилась со сна Ася. – Два часа уже?

– Да, – покивала сочувственно Вера Павловна.

– Да-да, – села на кровати Ася и потерла лицо руками. – Уже иду, – и спросила: – Как он там?

– Вроде без изменений, – доложила Вера Павловна. – И даже в себя приходил, глаза открывал. Я его напоила, все, как вы наказывали и рекомендовали, он снова уснул.

– А температура? – быстро одеваясь, выясняла Ася.

– Поднялась немного, – тягостно вздохнула помощница. – Сорок и семь.

– Тогда мы ему сейчас еще раз жаропонижающее дадим, – распорядилась Ася. – Вы же намололи?

– Да, да, все приготовила, – семенила следом за ней Вера Павловна.

Больной спал тревожным, болезненным, беспокойным сном, находясь в неком полузабытьи, в состоянии между сном и потерей сознания, и каждый вздох давался ему с трудом, сопровождаясь хрипами.

Ася в приказном порядке отправила спать Веру Павловну, пресекая все ее душевные терзания и горячее желание помочь.

Померила мужчине температуру, покрутила раздосадованно головой, снова припомнив «балалайку тульскую» такой-то недоброй мамой – сорок и восемь десятых градуса!

– Ну, как же ты так, а, Василий Степанович? – попеняла она ему, как-то совершенно безнадежно расстроившись, потерла жестом бессилия лицо, вздохнула глубоко, выдохнула резко, скидывая с себя ощущение накрывающей с головой неизбежности, даже головой покрутила, помогая справиться с эмоциями. Еще раз резко выдохнула и занялась больным.

На хрен! Потом будем расстраиваться, негодовать, сетовать и что там еще можно делать в таких ситуациях? Убиваться и горевать, переживая бессилие, злость и отчаяние! Потом! А сейчас надо просто делать все, что возможно. Тупо делать – и все! И что-нибудь еще сверх любого возможного и невозможного!

И, ловко приподняв голову мужчины, принялась сноровисто поить его разведенными в воде таблетками.

Напоив, осторожно уложила его голову назад на подушку, меняла компресс на лбу и тихо уговаривала:

– Ты борись, Василий Степанович, не подводи меня, ладно? Так же несправедливо будет, если ты сдашься, неправильно, нельзя тебе сдаваться.

И вдруг неожиданно словно обожглась о внимательный взгляд темно-синих, лихорадочно блестящих от высокой температуры глаз и замерла, столкнувшись с этим взглядом, не донеся мокрое полотенце до его головы.

– Ты… – выдохнул мужчина с каким-то облегчением, сухим, перегоревшим от жара горлом, дрогнув уголками губ в слабой попытке улыбнуться.

Она смотрела на него, вглядываясь в эти густо-темные синие глаза, казавшиеся черными от расширившихся зрачков, и не могла отвести взгляда, забыв дышать и думать, оторопев, словно на какое-то затянувшееся мгновение попала под непонятный гипноз, и сердце вдруг заколотилось в груди, и стало жарко от такой его близости.

– Где ты была-то… не слышал тебя… так долго? – низким, больным голосом просипел он пересохшим горлом, все всматриваясь в ее лицо и облегченно улыбаясь сухими потрескавшимися губами.

– Я здесь, я здесь, – словно очнулась Ася, заспешив успокоить, наклонившись к нему поближе.

Он, прилагая явные усилия, приподнял руку, положил большую, тяжелую и жаркую ладонь ей на затылок и притянул ее голову к своему плечу. Прижал, поцеловал обжигающе-горячими губами в висок и прошептал:

– Нашлась, родная… вот и нашлась… – подышал с хрипом и вдруг закашлялся мокрым, глубоким кашлем.

Ася было дернулась высвободиться из-под его ладони, напоить теплым питьем, помочь, голову приподнять, но он не пустил. Справился с кашлем, продышался громко, болезненно прерывисто, со свистом втягивая воздух в легкие, и прохрипел:

– Ты говори… чтобы я твой голос слышал… не уходи больше… не теряйся.

Он замолчал, рука на затылке у Аси потяжелела, расслабляясь.

– Нашлась ведь… – прошептал он еле-еле, уже погружаясь в бессознательное состояние.

Прижимаясь к его плечу и колючей, от отросшей за сутки щетины, щеке, Ася уловила всем своим телом тот момент, когда он вернулся туда, в свое забытье, в пограничное пространство между беспамятством, бредовым сном и бесконечностью. Но не подскочила сразу, не двинулась, так и прижимаясь к его плечу и пылающей жаром щеке, вдохнула его запах и, взяв ладонь, медленно сняла ее со своей шеи и подняла голову.

Села ровно, пристроила тяжелую от беспамятства руку на кровати и долго всматривалась в его измученное болезнью и лихорадкой лицо.

Вздохнула, задержала дыхание… и, освобождаясь от странного наваждения, выдохнула, встала и занялась приготовлением укола, который пора было делать больному. Чужому, незнакомому мужику, случайно что-то перепутавшему в своем болезненном бреду.

До пяти утра, когда ее пришел сменить на посту Петр Романович, ничего не произошло: ни плохого, ни странного, ни ужасного.

Температура у Василия Степановича упала до тридцати девяти и восьми десятых градуса, и он просто спал. На сей раз глубоким, исцеляющим сном без сновидений и кошмаров, а она все шептала ему что-то, рассказывала, сама не понимая, зачем и почему это делает. Но каким-то неведомым, глубинным чутьем знала, что так правильно, что именно так и надо делать – говорить с ним, звать из того далекого, куда он почти ушел.

И ничто уже не могло отменить тот небывалый факт, что ночь больной пережил и температура все-таки упала, и это внушало совсем робкую надежду. А ведь по всем показателям не должен был, не должен…

Надавав разных наставлений и поручений Петру Романовичу, Ася добралась до своей комнаты и рухнула на кровать, отключаясь уже в полете.

Проснулась рано, часов около восьми утра, и отчего-то тревожно, будто вчера позабыла сделать что-то важное, а во сне об этом важном вспомнилось. Никто ее не будил. Встала с каким-то непонятным, чудным ощущением на душе, словно за ночь она вся изменилась.

Умылась наскоро, привела себя в порядок и поспешила вниз, на первый этаж, проверить больного и узнать новости о его самочувствии.

Новости были хоть и не победные, но и не похоронные все же. Температура снова поднялась, но незначительно – всего на пару десятых градуса и держалась на отметке около сорока градусов, не пересекая ее.

А это уже ого-го какое достижение с учетом того, что необходимой лечебной терапии пациент не получает и их возможности в этом вопросе мизерные.

– Просыпался, – радуясь этому факту, бодро рапортовала Вера Павловна, тут же усадив Асю за круглый стол в кухне – завтракать. – Спрашивал, где девушка, про вас то есть, Асенька, спрашивал. Я сказала: спит. Он сказал: хорошо. Я его напоила морсом с медом, а потом теплой водой, как вы велели. Хотела накормить хоть немного, но он снова заснул.

– Насчет накормить – вопрос спорный, – поделилась Ася сомнениями, с удовольствием отпивая прекрасного кофе из большой керамической кружки, что поставила перед ней на стол хозяюшка. – Некоторые медики считают, что при такой высокой температуре кормить больных категорически нельзя – это для организма лишняя нагрузка. А некоторые утверждают обратное, что без еды у организма истощаются внутренние резервы и брать энергию на исцеление ему неоткуда.

– А что посоветуете вы, Асенька? – подсела к ней Вера Павловна, налив и себе кофе в большую кружку.

– Я посоветовала бы следовать рекомендациям врачей, но думаю, лучше не заставлять больного насильно что-то есть. А вот пить ему надо давать как можно больше. И лучше морсы из живых или замороженных ягод, не прошедших термическую обработку и без сахара, лучше и без меда вообще, но это очень кисло и может вызвать раздражение желудка при общем ослаблении организма. Так что с медом, тем более он жаропонижающими свойствами обладает.

– Даем, – порадовалась Вера Павловна. – Все, как вы рекомендовали, – из облепихи, из малины и клюквы, всю ночь понемногу поили, и утром я его хорошо напоила. – Потом поинтересовалась, как прилежная ученица, сдавшая на «отлично» предыдущее задание: – Что дальше?

– А дальше, Вера Павловна, нужна срочная транспортировка больного в стационар, – пояснила Ася очевидные вещи. – Поэтому звоните в экстренную службу и вызывайте «Скорую помощь». Я вчера оставляла заявку, да только думаю, что ее благополучно удалили, – и распорядилась: – Звоните.

Заявку Аси, как она и предполагала, именно что удалили. Все как водится: заступила новая смена диспетчеров, ночь была тревожной, много вызовов, некоторые ложные или невыполнимые, много пострадавших, а поскольку по вызову из села никто повторно не перезванивал и не продублировал заявку, ее просто удалили из компьютера. Уж Ася этот механизм прекрасно понимала, да вот только не до звонков ей вчера было. Вера Павловна сделала новый вызов и заявку на эвакуацию и обещала звонить и напоминать каждый час.

Буран стих часам к шести утра, и только снег тихонько сыпал, припорашивая наваленные за несколько часов сугробы.

По телевизору передавали о последствиях бурана на дорогах, в городах-поселках и самой столице, куда он добрался ночью, изрядно подрастеряв свою убойную мощь. Трассу уже начали активно чистить все дорожные службы при помощи местных коммунальщиков, однако все равно рекомендовали сегодня не выезжать из дома вообще и уж тем более транспортным средствам с низкой проходимостью.

Ну, это как пойдет – выезжать, не выезжать.

– Наш поселок и дорогу до трассы скоро чистить начнут, – поделилась информацией Вера Павловна. – Мне утром Ангелина Викторовна звонила, интересовалась состоянием Василия Степановича, вот и рассказала последние новости. Ей же на работу надо, она и узнала, как обстановка. У нас же в поселке сплошь люд не простой проживает, зажиточный, и у всех бизнес есть, в основном в городе. Вот по своим всяким связям и вызвали транспорт для расчистки. Ангелина Викторовна сказала, председатель поселковый объявил, что часа через четыре одну полосу расчистят для проезда до трассы.

– Это очень хорошо, Вера Павловна! – обрадовалась Ася. – Это замечательно! Чем скорее мы отправим нашего больного в больницу, тем лучше. Ничего же еще не кончилось, и его стабильное состояние очень ненадежно, держится буквально на грани чудом каким-то и может оказаться затишьем перед бедой, понимаете?

– Ох же, боже мой, – тяжко завздыхала женщина. – Понимаю.

– Так, – переключилась Ася на деловой тон. – Несите-ка бумагу и ручку, напишу вам, что ему собрать с собой в больницу, и составлю отчет для медиков о проделанных нами мероприятиях и о препаратах, которые кололи и давали. Вы ампулы не выбросили?

– Нет, нет, вы же предупредили, Ася.

С того момента, как проснулась, – нет, не так – с того момента, когда мужчина открыл глаза и посмотрел на нее, Ася находилась в душевном смятении, встревоженно прислушиваясь к себе и недоумевая, что с ней происходит.

За кого он ее принял, вынырнув ненадолго из сумеречного, бредового, лихорадочного сна? За какую родную девушку, которую потерял и которая нашлась для него в том болезненном бреду?

С Асей случилась странная штука: где бы она ни находилась и чем бы ни занималась, она безошибочно знала, ощущала каким-то особым сознанием, каким-то иным, неизвестным ей доселе наитием, чувствованием, что происходит с Василием, почему-то переставшим быть для нее Степановичем.

Она занималась какими-то насущными делами, помогала в хлопотах, разговаривала с Верой Павловной, и все это время в ней неким странным

рефреном, базовым ощущением каким-то жило чувствование и знание того состояния, в котором в данный момент находился больной.

И сквозь все заботы и хлопоты этого дня все преследовал ее пронзительный взгляд этих темно-синих глаз.

Эта странность пугала, и, опасаясь этой самой странности, Ася избегала заходить к нему в спальню, перепоручив заботу о больном другим, ограничившись одними распоряжениями.

И все же настал момент, когда она решилась проверить его сама, словно что-то неодолимо тянуло ее посмотреть на мужчину еще раз.

На стуле у кровати больного подремывал Миша, уронив голову на грудь и тихо посапывая. Ася подошла к постели, наклонилась и внимательно всмотрелась в лицо Василия, спавшего все тем же беспокойным, трудным сном во власти горячечного жара. Мимика его постоянно менялась: то нахмурятся брови, то дернется немного голова, губы то сожмутся, а то вдруг расслабятся.

Он боролся, и это было видно. Хрипел, сипел и боролся.

Ася наклонилась, придвинулась к его лицу и зашептала в ухо, чуть прижавшись к нему губами:

– Ты держись, Василий Степанович, пожалуйста, держись. Не сдавайся.

Отодвинулась и с удивлением заметила, как на мгновение, всего на какое-то мгновение, расслабились черты его лица, словно снизошло на него спокойствие.

– Все будет хорошо, – снова наклонившись и приложив губы к его горячему уху, прошептала Ася.

Он не проснулся, но почему-то она была уверена, чувствовала тем самым странным чувствованием, обострившимся в ней, что он ее услышал. Она отошла от кровати, набрала в шприц лекарство, разбудила Мишу, который повернул спящего пациента на бок, сделала укол в ягодицу и, поблагодарив Мишу за помощь и повторив нехитрые инструкции по наблюдению за больным, вышла из

комнаты.

Видимо, в Снегирях этих и на самом деле жили в основном люди достаточно состоятельные и со связями, поскольку уже где-то через час послышался шум снегоуборочной техники, работающей на улицах поселка, а еще через час Вере Павловне позвонили из диспетчерской и сообщили, что машина «Скорой помощи» выехала к ним по вызову.

И с этого момента все как-то стремительно закрутилось и понеслось вскачь, а события завертелись с увеличенной скоростью.

Почти сразу после звонка из «Скорой» мама Василия Степановича позвонила на сотовый Веры Павловны, перепуганная тем, что со вчерашнего дня никак не может дозвониться сыну. Верная Вера Павловна, как могла, постаралась смягчить картину, но не удержалась, разрыдалась, расчувствовалась. И родители разъяснений дожидаться не стали, коротко уведомив, что выезжают.

Только тогда все вспомнили, что телефон Василия Степановича остался в машине на держателе и, наверное, давно разрядился.

И началась суета – нужно было найти все необходимое для больницы, зарядить телефон, не забыть деньги, собрать самого больного, состояние которого снова ухудшилось. Ах ты ж господи, дорожки же к дому надо расчистить, иначе машина не проедет! И Миша с Петром Романовичем поторопились это исполнить.

Вера Павловна, отчего-то вдруг растерявшись, засуетилась и носилась по дому, бестолково хватаясь за какие-то ненужные сейчас дела и вещи, что-то еще собирая для хозяина в стационар, хотя давно уже все было собрано и упаковано в большую кожаную сумку.

И только Ася, спокойно сложив свои немногие вещички, спустилась со второго этажа с сумкой, села за обеденный стол, проверила записи, которые сделала для медиков, добавила к общей кучке на тарелочке еще одну использованную ампулу и принялась варить себе кофе.

«Скорая помощь» приехала через сорок минут. Лишь поверхностно осмотрев больного, выслушав отчет Аси о проведенных мероприятиях, медики с помощью Миши и Петра Романовича загрузили пациента в машину «Скорой», туда же села

Вера Павловна, растерянно прижимавшая к груди сумку с вещами, и, включив мигалку с сиреной, машина рванула вперед, наконец-то эвакуируя больного в стационар.

Ася и мужики провожали ее взглядом, стоя у распахнутых ворот, и Петр Романович перекрестил желтый реанимационный автомобиль, удалявшийся по улице.

– Храни тебя господь, – напутствовал он.

– Поможете мне откопать мою машину? – спросила у мужчин Ася, все не сводя взгляда со «Скорой».

– Конечно, Асенька, – горячо кивнул Петр Романович.

– Я думал, ты завтра утром приедешь, – сказал Сеня, открывая ей дверь. Ухватив жену за локоть, он втянул ее в прихожую, обнял, чмокнул в щечку, прижался щекой к голове. Так и простояли пару мгновений. – Как добралась? – спросил он, отстраняясь и отпуская ее. – Тут такие страсти передают про снегопад и буран. Заторы жуткие, пробки мертвые.

– Ужасно, – нашла в себе силы подтвердить его слова и кивнуть Ася.

– Главное, добралась, – с явным облегчением заметил он и тут же перешел на совсем иной тон – капризный, с ноткой претензии, входя в роль больного, брошенного мужа, которую начал разыгрывать после ее отъезда к Игорю в гости. – А я тут разболелся, – и выдержав паузу, за которую так и не последовал ожидаемый вопрос жены о его самочувствии, решил подтолкнуть ее в этом направлении, попеняв: – Что, даже не спросишь, как я себя чувствую?

Ася, кинув сумку на пол, устало опустилась на банкетку, посидела неподвижно несколько минут, расстегнула и скинула с плеч дубленку и принялась снимать спортивные ботинки.

– Меня ужасно знобит второй день, и температура поднялась, и горло больное, – встав напротив нее и скрестив на груди руки, докладывал муж, оскорбленный ее

невниманием. – А ты даже не позвонила.

Ася добиралась до Москвы от Снегирей вместо полутора-двух часов при обычном трафике пять часов кряду через сплошные снежные завалы, пробки двигавшихся в один ряд машин по единственной расчищенной колее на трассе, мимо нескольких крупных аварий, с еще более глухими пробешниками в самой столице. Вымотанная недосыпом и сильнейшим нервным напряжением, чувством безысходности и ожиданием возможной смерти Василия, она ощущала себя сейчас девяностолетней старухой, разбитой параличом, у которой болело все тело.

Кое-как расшнуровав и стянув с ног ботинки, она откинулась спиной на стену, посмотрела на негодующего, всем свои внешним видом выражавшего крайнюю степень недовольства мужа и спросила через силу:

– Какая у тебя температура?

– Тридцать семь и три, вторые сутки держится, – с нажимом объявил он, очевидно укоряя ее.

– Выживешь, – пообещала ему Ася.

И начала подниматься с банкетки, ухватившись одной рукой за подзеркальник, рядом с которым та стояла, а второй упершись в велюровый край сиденья. Удержав как-то в себе кряхтение и стон, она тяжело поднялась и поплелась босая в спальню, не тратя сил на то, чтобы надеть домашнюю обувь.

– То есть тебя не волнует состояние моего здоровья и то, что я болен? – подчеркнуто холодным, обиженным тоном выяснял муж, двигаясь следом за Асей.

– Сень, я зверски устала. – Она посмотрела на него неживым, замученным взглядом. – Я ехала до Москвы пять с лишним часов по тяжелейшей, засыпанной снегом трассе, а до этого практически не спала ночь. Завтра в восемь утра у меня самолет. И я хочу только одного: спать. Может, тебе к маме поехать и там поболеть? Она позаботится о тебе и пожалеет за нас двоих. Она же это замечательно делает. А я сегодня не жена, а ехидна, причем умирающая от усталости. – Ася развернулась и прошла дальше, на ходу помахав прощально

рукой. – Все, я спать, спать.

Нагрешил он, видимо, знатно в своей жизни. Может, обидел смертельно кого-то походя или еще чего сотворил тяжкого по незнанию. Или по знанию, всякое бывало в жизни, грехов накопилось порядком. Теперь вот плавился в аду или пока еще в чистилище, что, впрочем, не уменьшало остроты впечатлений.

Василию казалось, что он барахтается в раскаленной жиже и нет никакого спасения. Лава заливала его всего и внутри и снаружи, плавились, выгорая, глаза, ногти, горели волосы, и спекались в один болезненный ком внутренности, и лопались кости.

И никуда от этого жара было не деться – никуда! Он был везде, и никакими усилиями нельзя было выбраться из этой жижи – он захлебывался и тонул, тонул в этой раскаленной субстанции… Он чувствовал, как его куда-то несет лавовым потоком в иное место, где на какие-то мгновения стало вдруг немного прохладней, и он смог судорожно втянуть в себя чуточку посвежевшего воздуха…

Но его несло дальше и дальше и снова швырнуло в горячий поток, который раскалился до такой степени, что из рыже-огненной лавы превратился в ярко-белый свет… И внезапно этот белый свет, в котором оказался Василий, затопил все вокруг и исцелил его настрадавшееся обгорелое тело, а потом он почувствовал, что отдаляется от своего измученного тела, видел его словно сверху и со стороны.

«Не время», – вдруг пришла ему в сознание откуда-то четко прозвучавшая мысль. Или не мысль это была, а чей-то голос, и он увидел бабушку, которая шла к нему и улыбалась удивительно светло и радостно.

«Ба, как я здесь, откуда?» – спросил Василий.

«Случайно, – ответила бабуля и погладила его по голове, как частенько делала в его детстве. – Но можешь остаться, если хочешь».

«Здесь хорошо», – сказал он ей и вдруг осознал, что действительно тут необычайно хорошо, тут великолепно, и ощутил какой-то небывалый энергетический поток, затопивший его всего, что-то настолько мощное, сильное и прекрасное, что находится вне всякого разума и сознания, и это нечто прокатывало по нему волнами, вызывая слезы великого, высочайшего восторга…

А в следующее мгновение все ощущения наполнились яркими, живыми картинками его жизни, одна сменяя другую. Он видел ситуации, которые проживал, проблемы, которые преодолевал, людей, с которыми сводила его жизнь, тех, кто когда-то предавал или намеренно вредил. Людей, которых обидел сам, и тех, которых любил, и сейчас он понимал, осознавал нечто совсем иное, главное и истинное про ситуации, в которые попадал, про этих людей, про себя и про свою жизнь.

Картинки сменялись перед его мысленным взором все быстрее и быстрее, и ощущения, чувства, понимания, откровения в его разуме неслись так же быстро, все ускоряясь и ускоряясь…

Но в какой-то момент все остановилось, замерло, и он увидел перед собой незнакомую девушку, стоявшую к нему вполоборота, смотревшую куда-то вперед. Она словно почувствовала его присутствие или услышала и медленно, плавно повернулась и улыбнулась потрясающей улыбкой… И его сознание затопило столь мощным эмоциональным потоком.

«Останешься?» – спросила, улыбаясь, бабушка, появившаяся все из того же белого свечения.

«Нет», – улыбнулся он ей в ответ.

«И правильно, и молодец, – похвалила она и кивнула куда-то вниз: – Только возвращаться придется той же дорогой, другой нет».

Василий посмотрел вниз, туда, куда она указала, и увидел все ту же бурлящую, клокочущую, выкидывающую огненные протуберанцы, ожидавшую его раскаленную лаву.

«Значит, вернусь по ней, раз по-другому никак, – подумал он и перевел взгляд на бабулю. – Ты-то тут как, бабуль?»

«Да все у меня хорошо, – уверила она с удивительной светлой улыбкой – У всех наших родов все хорошо, маеты ни у кого нет. – И напутствовала: – Ну, иди. Родная душа ждет».

И он как-то в один момент опять оказался в лавовом потоке, почувствовав, как снова и снова сгорает его тело и несет, несет куда-то оранжевый жидкий огонь.

И вдруг услышал далекий, чистый голос. Слов было не разобрать, но сам голос казался очень знакомым, только он никак не мог вспомнить, кому он принадлежит, но почему-то точно знал, что обязательно надо вспомнить и выяснить, чей же это голос, просто жизненно важно. И он рванул всем своим расплавленным телом, всем существом и душой на этот голос, продираясь через бурлящую лаву.

И подул легкий ветерок, врачуя тело, и на лоб легла холодная рука, и он вдохнул совсем немного прохладного воздуха.

А голос замолчал и долго молчал, но спасительный, целительный ветерок, принесенный этим чудным голосом, уже обдувал его, заживляя и исцеляя ожоги и даря редкие глотки холодного воздуха, спасая.

И он снова его услышал, совсем рядом, очень близко, и еще какие-то непонятные звуки, и, с трудом открыв глаза, увидел лицо той самой девушки, что улыбалась ему там, в белоснежном пространстве.

– Ты… – выдохнул он от облегчения.

Нашлась. Он к ней все-таки выбрался, прошел через плавящуюся жижу и вышел к ней. Догнал, успел, нашел! И смог притянуть к себе, прижать, почувствовать ее запах, и отчетливо понял, что теперь все будет хорошо.

Все будет правильно и хорошо и управится должным образом.

Больше он в лаву не погружался. Тело продолжало обжигать жаром, но уже не казавшимся смертельным. И Василий провалился в темное небытие, где нет вообще ничего.

Он слышал несколько раз ее голос, который что-то спрашивал и шептал ему, и чувствовал, когда она находилась рядом, но выбраться и проснуться окончательно из тягучего, бесконечного обморочного сна так и не смог, даже на ее голос, исчерпав уже все возможные силы.

Когда Ярославцев пришел в себя настолько, что смог более-менее нормально и отчетливо соображать, выяснилось, что девушка ему не привиделась в горячечном бреду, а была вполне реальной, но, кроме имени Ася, о ней более ничего не известно. То есть совсем.

Ни кто она, ни где живет, ни фамилии, ни номера телефона – ни-че-го!

– Да я, старая калоша! – плакала от досады и корила себя верная домработница Вера Павловна, сидя у кровати Василия и беспрестанно утирая текущие слезы маленьким батистовым платочком. – Не расспросила Асеньку, не выяснила ничего о ней, даже телефон не взяла. Мужики-то наши, понятно, так за вас перепугались, что дышать боялись и думать не могли. – И повторила еще раз уже не единожды рассказанную прежде историю: – Она же, как только «Скорая»-то с участка выехала, вас со мной увозя, говорит: «Помогите откопать мою машину». Ну, они и поехали. Петя рассказывал, засыпало ее джип знатно, упарились, пока откапывали. Но когда разгребли стекла да у колес подкопали, Асенька и говорит, мол, ничего, по дороге все лишнее само с машины слетит. Поблагодарила их, обнялась сердечно с каждым, попрощалась, помахала, да и уехала. А эти оболтусы даже номер не посмотрели и какая марка автомобиля не поняли, запомнили, что серебристо-серая и джип, да и только. – И снова запричитала, пустив слезу: – Но я-то, дура старая! Как же я так?

– Вера Павловна, – успокаивал ее Василий. – Не надо так уж убиваться и расстраиваться. Еще давление, не дай бог, подскочит. – И заверил: – Ничего, я ее найду.

– Да где ж ее найдешь! – пуще прежнего принялась причитать Вера Павловна, негодуя на себя. – Тут впору в ангелов и чудеса поверить. Асенька вот точь- в-точь как чистый ангел какой с неба сошла в самый страшный, в самый крайний момент, в последнюю минутку, спасла вас и так же загадочно исчезла.

– Очень надеюсь, что она все-таки не ангел, – усмехнулся Василий и зашелся в приступе кашля.

– Ох ты ж господи! – засуетилась вокруг него Вера Павловна. Но он отмахнулся: не надо, справлюсь, мол.

Прокашлялся, отдышался после приступа и посмотрел на верную помощницу.

– И главное, – поделилась та своими размышлениями, – лицо у нее такое знакомое. Ну очень знакомое, но я никак не могу вспомнить, на кого же она похожа. Или кого напоминает так сильно.

– Вот найду ее, тогда и спросите, – улыбнулся ей Ярославцев.

В нем жило теперь иное понимание и восприятие мироустройства, жизни, случайностей, которых на самом деле не бывает, иное осознание и знание законов жизни, все то, что даровано было ему постичь, понять и почувствовать в том бело-жемчужном измерении. И теперь Ярославцев испытывал спокойную глубокую уверенность, что непременно отыщет девушку с прекрасным именем Ася, где бы она ни находилась, просто потому, что не могло быть по-другому.

Отыщет, чего бы это ему ни стоило и сколько бы времени и сил ни потребовало.

Похвальная, кто бы спорил, уверенность, и цель весьма благородная, но чтобы приступить к реализации поставленной задачи, для начала неплохо было бы как минимум выйти из больницы, а как максимум полностью выздороветь.

Что ж, у него имелся более чем весомый стимул, то есть серьезная мотивация, – вперед и с песней, как говорится, и все вам в помощь.

И Василий сосредоточился на этой основной задаче с максимальной серьезностью. Он добросовестно выполнял все рекомендации врачей, а сверх них, досконально изучив сведения о своей болезни, измучив докторов бесконечными расспросами и уточнениями, выработал план дополнительных мер для быстрейшего выздоровления. Нагрузил родителей и Веру Павловну различными заданиями и поручениями и включил в свой процесс исцеления массаж, для чего был найден и за очень нехилый гонорар привезен отцом из

Москвы специалист. Василий и рекомендациями народной медицины не гнушался, и делал специальную зарядку, разработанную для него лично тем же массажистом, и изменил рацион и режим питания.

Лечащий врач Ярославцева был настроен весьма скептически и не очень доволен такой активной самодеятельностью пациента, но не запрещал и препоны не ставил, поскольку все эти занятия и процедуры более-менее укладывались в рамки медицинских предписаний при подобного рода заболеваниях и были направлены на укрепление ослабленного организма. Даже против народной медицины не возражал и против того же мумиё, доставленного с Памира отцовским приятелем. Но иронично посмеивался, повторяя Василию непреложную заповедь:

– Чем бы больной ни занимался, лишь бы себе не вредил и не беспокоил своего врача.

А Ярославцев и не беспокоил, но сила его намерений была такова, что через десять дней он настойчиво и уверенно попросился на выписку. Врач предположил, что у больного, видимо, снова начался бред или он как лечащий врач упустил нечто важное и в больном просматривается какая-то явная медицинская недообследованность психического рода.

На что Василий предложил ему проверить еще раз все свои показатели, анализы и данные. Доктор согласился, собираясь назидательно разъяснить беспокойному пациенту, в каком тот находится состоянии и сколько ему еще предстоит провести времени на больничной койке, чтобы вылечить только первый, острый период болезни, не говоря уже про восстанавливающий этап.

Но в результате проведенных исследований вынужден был удивленно развести руками, собрать консилиум, хором подтвердивший полученные результаты, и поставить свою подпись под эпикризом в истории болезни, в котором значилось: «Самопроизвольное улучшение», на словах добавив:

– Необъяснимое.

Но улучшение улучшением, а до полного восстановления и выздоровления было еще далеко, и Василий, отдававший себе в этом отчет и вполне реально смотрящий на состояние своего здоровья, продолжил курс терапии теперь уже

дома, в Снегирях, параллельно занявшись обдумыванием мероприятий, направленных на розыск загадочной девушки Аси.

– Ну что? – спросил отец, входя в кабинет к Василию.

Они с мамой пробыли рядом с сыном все двенадцать дней, сняв номер в ближайшей гостинице и дежуря по очереди, а Веру Павловну возили из Снегирей на «Ниве» то Миша, то Петр Романович. Та приносила с собой термосы и кастрюльки с домашней кулинарией, что тоже в немалой степени поспособствовало ускоренному процессу выздоровления.

После выписки мама вернулась в Москву по делам и семейным заботам, а отец остался с сыном на какое-то время, пока тот окончательно не окрепнет. Так решили на семейном совете. Василий не возражал, даже радовался и приветствовал такое решение: родителей своих он любил и почитал. А отец всю жизнь был для него авторитетом и примером, наставником в подростковом и младенческом возрасте и крепким другом во взрослой, осознанной жизни.

– Продумываешь стратегию? – спросил Степан Юрьевич, подойдя к столу, за которым сидел сын. Положив ему ладонь на плечо, отец чуть наклонился и пробежал глазами по записям на листах.

– Да. Вот порасспрашивал подробней Веру Палну и выяснил интересный факт. Оказывается, Ася, обнаружив меня в машине, сразу же вызвала «Скорую помощь», но проехать сюда они уже не могли. Заявку ее приняли, а на следующий день удалили, поскольку она не перезвонила и не подтвердила вызов. Вот я и думаю, надо бы в эту диспетчерскую наведаться и узнать, может, у них сохраняются даже удаленные записи. Наверняка же она представилась, да и номер ее телефона определился.

– Ты настолько серьезно намерен ее отыскать? – осторожно спросил Степан Юрьевич.

– Да, – коротко подтвердил Василий.

– Только чтобы поблагодарить?

– Да нет, бать, – чуть усмехнулся Василий. – Тут другое.

Еще ни разу с того момента, когда родители примчались в больницу через снежные заторы, аварии и черт-те что, творившееся в тот день на дорогах после бурана, и узнали от Веры Павловны историю его заболевания и чудесного спасения, он не разговаривал с ними о девушке Асе. То есть, понятное дело, о девушке они говорили, и неоднократно, и обсуждали ее чудесное своевременное появление, но исключительно в том ключе, что она спасла Василия. Они говорили и о том, как она почти по-английски исчезла, и теперь неизвестно, где ее искать, чтобы поблагодарить, как полагается, как должно любым нормальным людям.

Но о том, что у сына есть какое-то особое отношение к девушке Асе, какие-то особые планы на встречу с ней, родители с Василием не беседовали, а он не демонстрировал этой своей непростой заинтересованности.

– Ты садись, бать, – спохватился Василий, поднимаясь из-за стола и кивая на кресла у журнального столика.

Сели. Помолчали. Василий посмотрел за окно задумчивым, невидящим взглядом, оторвался от пустого созерцания, перевел взгляд на отца.

– Я не рассказывал вам, не хотел маму лишний раз тревожить, – начал он свое объяснение, – но в какой-то момент, видимо, когда мне совсем уж полные кранты пришли, мое сознание словно выбросило меня в некое светлое пространство. И я увидел там бабулю.

– Маму? – уточнил Степан Юрьевич.

– Да, – кивнул сын, – бабушку Лизу. Она сказала, что вообще-то мне не время, но если я хочу, то могу здесь остаться. – И, помолчав пару мгновений, посмотрел отцу в глаза и честно признался: – Остаться очень хотелось. Очень. Там… не объяснить, – выдохнул он коротко. – Сказать, что хорошо, это вообще ни о чем. Это такое состояние… – пытался подыскать он правильные слова, помогая себе жестами, – какое-то иное сознание, испытываешь такой невероятный восторг, чувствуешь полную свободу… Да не имеет значения. Главное, что мне не хотелось возвращаться. И вдруг я увидел там эту девушку. – Он снова замолчал, задумался, посмотрел в окно.

Отец не торопил, не задавал наводящих вопросов, но несколько напряженно ждал, когда сын продолжит свой рассказ.

– Я понял, – вздохнув, повернул голову Василий, возвращаясь в разговор, – что она не там, не среди умерших. А еще понял, что она моя и я должен ее найти и обязательно встретиться с ней. И бабушка сказала: «Молодец, что так решил, иди к своей родной душе». И я стал возвращаться. Но в какой-то момент почувствовал, что нет больше сил совсем, не выдержу, так меня пекло всего, и вдруг услышал ее голос. И пошел, рванул на этот голос, и сразу стало легче. А потом я ее увидел, обнял, и теперь уже совершенно определенно знал, что не помру, выживу. – Он посмотрел в лицо отца и спросил: – Ты считаешь, что это бред воспаленного сознания?

– Нет, сын, – подумав, ответил Степан Юрьевич и разъяснил свой взгляд на природу метафизических явлений: – Я ученый, с одной стороны, с другой – убежденный прагматик, но я многие годы проходил по таким местам, где никогда не ступала нога человека, и работал в таких условиях, которые трудно даже представить. И ты прекрасно знаешь, какой только мистики не случалось с нами в нашей работе и с какими необъяснимыми явлениями мы регулярно сталкивались и встречались в тайге. Бывали случаи в моей практике столь необычные и со мной лично случались вещи настолько необъяснимые, что я никому про них старался не рассказывать. То, что наша жизнь не ограничивается только этим реальным миром, в котором мы существуем и который способны воспринимать своими органами чувств и физикой, это факт, и он уже неоднократно доказан современной наукой. Поэтому я уверен, что твое сознание, покинув на время тело, побывало в каких-то иных измерениях и сферах и вполне могло получить там определенную информацию и некий опыт.

– Вот, батя, – легко рассмеялся Василий, – ученый в тебе и лектор неубиваем. Не выведешь из натуры никакой многолетней коммерцией.

– Есть такой момент, – усмехнулся Ярославцев-старший и вернулся к теме их беседы: – А что-нибудь еще мама говорила?

– Да, – продолжал улыбаться Василий. – Сказала, что у нее все хорошо, что у всех наших родов все хорошо и маеты ни у кого нет.

– Наверное, это хорошая новость, – предположил Степан Юрьевич.

– Да, очень хорошая, – кивнул сын. – Это значит, что души всех наших предков мирно упокоены.

– Ну, вот и замечательно, и пусть спят себе с миром, – энергично выдохнул Степан Юрьевич и деловито хлопнул по подлокотникам ладонями. – Ну что, давай тогда вместе думать, как искать будем девушку. План направлений поисков накидаем.

– Да я систематизировал уже кое-какие мысли, – признался Василий.

– Ну давай, показывай, – поднялся из кресла Степан Юрьевич. – Может, вдвоем и сообразим что интересное.

А когда сын поднялся и встал рядом, шагнул к нему, положил руку на плечо и произнес доверительным тоном:

– А еще скажу тебе без всякого ученого и лекторского менторства, как отец. Тебе давно пора иметь нормальную семью, любить самому и быть любимым достойной женщиной, жить полноценной жизнью в радости и счастье. Мы с матерью тревожились за тебя, из-за твоей затянувшейся холостяцкой жизни, из-за того, что нет рядом с тобой близкого, родного человека, да и не было никогда. Расстраиваемся, что не любил ты по-настоящему, и пусть такое чувство дано не каждому, но тебе мы его искренне желаем. И мое отцовское сердце не может не радоваться тому, что у тебя возник не просто сексуальный интерес к женщине, а нечто намного большее и с планами на продолжение.

Он похлопал Василия по плечу и, резко поменяв тон на деловой и бодрый, предложил:

– Ну, давай прикинем, что можно придумать по розыску твоей загадочной Аси.

Прошла неделя, удостоверившись, что сын практически в полном порядке, Степан Юрьевич уехал в Москву со спокойной душой. Неделя, не давшая никаких результатов в поисках загадочной, эфемерной, как мечта, девушки Аси – на станции «Скорой помощи» им не помогли: данные о ее вызове и еще нескольких десятков других были удалены безвозвратно (как-то так у них получилось, что именно в ту злополучную ночь случился небольшой

компьютерный сбой в системе из-за временного отключения электричества).

Вот такая вот фигня.

Зато эти семь дней стали весьма плодотворными для восстановления сил и здоровья Василия. Он продолжал заниматься специальной гимнастикой и серьезной дыхательной практикой, принимал укрепляющие препараты и травяные сборы и соблюдал определенную диету. Понемногу возвращался к делам своего бизнеса, благо родное предприятие находилось всего в пяти километрах от его дома, не забывая благодарить высшие силы за то, что несколько лет назад нашелся прекрасный специалист, которого он поставил управлять производством и которому доверял.

Вот и не рвался погружаться с головой в бизнес, занимался тем, что мог решить только он лично и то весьма дозированно.

В один из выдавшихся спокойных вечеров, расположившись в гостиной у камина, Ярославцев просматривал деловые бумаги: проект нового договора и статистику предприятия. Изредка отвлекаясь на доносившиеся порой навязчиво громкие голоса из телевизора, включенного в кухне-столовой, он лениво подумывал, а не перебраться ли в кабинет, где гарантированно нельзя услышать посторонние звуки.

Телевизор у них в доме с удовольствием смотрела Вера Павловна – это дело она любила и, не смущаясь, признавалась в этом своем пристрастии. К ней частенько присоединялась приходящая из села помощница по хозяйству, почти регулярно задерживаясь после работы, чтобы посидеть с компанией, а не коротать время одной дома – куда как хорошо: и сериал вместе посмотреть или какое ток-шоу забойное и обсудить тут же, поделиться мнениями по поводу страстей телевизионных.

Собственно, ради Веры Павловны и этой ее любви к телевидению и была встроена в интерьер кухни большая плазма с таким расчетом, чтобы можно было смотреть и из столовой зоны, сидя за большим столом. А по вечерам к Вере Павловне и засидевшейся помощнице присоединялся Петр Романович, а за ним подтягивался и Миша, и они располагались уютным домашним кружком за круглым столом в кухонной зоне втроем или вчетвером, что-то горячо обсуждали и попивали чаек с выпечкой.

Бывало, уставший Василий, возвращаясь поздно с работы или из Москвы, устраивался вместе с ними, и Вера Павловна хлопотала над ним, как наседка, потчуя от души, а домашние принимались рассказывать Ярославцеву новости о звездах шоу-бизнеса и о беглых олигархах, о делах в Украине и что в очередной раз сказал ее президент, и про то, что у известного певца обнаружилась еще одна дочь, а сын известного артиста судится с родственниками, охали, ахали, искренне возмущались, давали оценки. А он кивал, поддакивал, пропуская всю эту лабудень мимо ушей и сознания, и чувствовал себя тепло и почти умиротворенно, так уютно и хорошо ему было вернуться домой.

Нет, не пойдет он в кабинет, не хочет – пусть себе тараторит и покрикивает телевизор из кухни и доносятся неразборчивым бубнежом обсуждения Веры Павловны и мужиков, зато тут камин разведен и дрова пощелкивают, и ноги немного припекает (но он любил, чтобы припекало от живого огня), и здесь есть любимое кресло – как раз под его тело устроенное. И в любой момент можно отложить на столик у кресла бумаги и отправиться к этой компании в кухню перехватить какой-нибудь вкусности, испеченной из правильного, пророщенного зерна, и «послушать» новости про жуткие дела в рядах шоу-пролетариев и кинозвезд и про «пожар в борделе» чиновничьего аппарата.

– А-а! Ой! – вдруг услышал он громкий, ошарашенный вскрик Веры Павловны. – Боже мой! Василий Степанович! Скорее! Скорее сюда!

Он выскочил из кресла, как снаряд, выпущенный из катапульты, и понесся в кухню, стремительно прокручивая в голове варианты возможной катастрофы.

За круглым «малым» столом сидели Миша и Петр Романович с перевернутыми, обалдевшими лицами, Вера Павловна стояла посередине кухни, держалась за сердце, тыкала трясущимся пальцем в сторону экрана телевизора и, посмотрев на вбежавшего Ярославцева совершенно ошалевшим взглядом, прокричала:

– Она! – и повторила, не снижая голоса: – Это она! Смотрите скорей! Смотрите!

И он посмотрел…

Повернул голову и посмотрел на экран, где до этого момента безуспешно искомая им девушка Ася, чуть улыбаясь, вела репортаж из какого-то европейского города, произнося текст в большой синий микрофон с логотипом

канала, уверенным, немного ироничным тоном.

Не сводя с нее взгляда, не улавливая и не вслушиваясь в текст, который она произносила, не видя, куда садиться, Ярославцев опустился на стул, чуть не промахнувшись задом, но вовремя подоспевший Миша предотвратил падение хозяина.

– Я же говорила, что лицо знакомое! – улыбаясь во всю ширь, продолжала кричать и энергично размахивать руками от радости Вера Павловна. – Вот она наша Асенька! Вот она где!

– …Ася Волховская, Игорь Емельянов и Юлия Немова… – закончила тем временем девушка свой репортаж, представив съемочную группу. – Берн. Швейцария.

– Вот так! – довольно сказал Петр Романович и громко прихлопнул ладонью по столу: – Вот так!

– Так! – выдохнул потрясенный Ярославцев и тоже повторил, уже с другой интонацией: – Та-а-ак. Надо срочно подумать, как добираться до репортера одного из федеральных каналов.

– Ведущего репортера! – подкорректировала его определение Вера Павловна, почти спокойным тоном, и вернулась на свое место за столом. – Я вспомнила! Я все про нее вспомнила! Асенька делает потрясающие репортажи, она одна из самых востребованных корреспондентов. Но тогда, в бурю она выглядела совершенно иначе, чем на экране: никакой косметики, волосы в хвост убраны, одета по-спортивному, очень просто. Потом темно же было, да и стресс у нас у всех, перепугались страшно, до того ли нам было, и она выглядела совершенно замученной. Я ее не узнала совсем, хотя с самого начала она казалась мне очень знакомой.

– Значит, ведущий репортер ведущего канала, – пропустив большую часть ее речи мимо ушей, резюмировал Ярославцев.

– Да-а-а, – вздохнув, задумчиво-расстроенно протянул Петр Романович и покачал головой. – Эвоно как сложилось-то, – и посмотрел с сочувствием и виноватым видом, – Асенька наша звезда на небосводе телевизионном. По Европе и всему миру катается, у министров интервью берет, президенту на брифингах всяких

вопросы задает, а тот ей улыбается, в Кремль вхожа. А вы, Василий Степанович, в Снегирях да при заводе. – И снова скорбно вздохнул. – Вот и выходит, что никак, только-то спасибо сердечное и сказать. Незадача-а-а, – протянул он, совсем уж расстроившись.

– Ох! – вдруг поддержала мужа Вера Павловна, снова приложив ладонь к сердцу. – У нее же еще муж имеется, я вспомнила, продюсер, известный и богатый. Помнишь, Петя, где-то с полгода или больше того скандал с тем продюсером был, его по всем каналам показывали и на ток-шоу он выступал. Что за скандал – не помню, но он вроде как обличал и за правду ратовал. Потом говорили, что его за эту правду-то и турнули вроде как с телевидения.

– Точно, – поддержал ее муж. – Еще этот мужчина-орел из «Человека и закона» всю историю разоблачал, за Асиного мужа вступался.

– Да-да, помню. Пиманов! «Человек и закон» ведет. Вот у него в передаче про этого продюсера и было, правильно Петя вспомнил.

– Совсем беда-а-а, – стрельнув взглядом на хозяина, протянул Петр Романович.

– Ничего, управимся как-нибудь, – ободряюще улыбнулся Ярославцев.

– Нам надо развестись, – буднично произнесла как-то поутру Ася, когда они завтракали с мужем.

Прошло две недели после того злополучного бурана. Ася смоталась в две командировки и выпустила два серьезных репортажа. Сегодня вот образовался редкий выходной, и она с удовольствием выспалась, повалялась в кровати, даже легкую привычную утреннюю зарядку не стала делать – на фиг, отдыхать так отдыхать. И в домашнем костюмчике, со схваченными резинкой небрежно в хвост волосами, она выползла в кухню и решила приготовить что-то среднее между завтраком и легким обедом.

Затеяла банановые блины с начинкой из сыра с зеленью, которые удались на славу. На запах подтянулся и Семен из своей комнаты.

– О! – восхитился он, стащив тут же горячий блинчик с тарелки у плиты. – У нас праздник выходного дня.

– Точно, – довольно подтвердила Ася.

Закончила с блинами, заварила кофе побольше, как они оба любили и, выставив на столешницу тарелку с начиненными блинчиками и кофейник, села за стол.

Они ели, переговаривались о каких-то телевизионных делах и новостях, и где-то на втором блинчике Ася посмотрела внимательно на мужа и сказала то, о чем давно думала и что решила для себя уже несколько месяцев назад, понимая и чувствуя, что так будет правильно. И высказала это, не испытывая в душе ни малейшего сомнения:

– Нам надо развестись.

Семен помолчал, дожевывая блин и запивая его кофе. Потом сказал:

– Банальная, избитая до оскомины сериальная фраза. При твоем интеллекте, эрудиции и словарном запасе можно было облечь это предложение в более изысканную форму, – наставительно добавил он и сделал глоток кофе.

– А давай без изысков, – предложила Ася, – просто разведемся, и все дела. Нет, ну на самом деле, последнее время у нас получается какая-то натужная жизнь: ты постоянно в состоянии недовольства, а меня уже напрягает возвращаться домой, зная, что снова будут за что-то отчитывать, что-то ставить в укор и капризничать. Не хочу так. Мне так неудобно жить, неуютно и тяжело.

– Да, ты права, – ровным тоном согласился Семен. – Неуютно и тяжело. – И спросил без привычных в последнее время придирчивых интонаций, спросил по-дружески, искренне: – Ты меня совсем разлюбила?

– Сеня, Сеня, – вздохнула от необходимости все же объяснять и без того понятные им обоим обстоятельства. Видимо, совсем без разговора не получится, а она надеялась… – Когда ты обратил на меня внимание и решил взять под свою опеку, ты был сокрушительно неотразим. Ты и сейчас великолепен, но тогда казался мне необыкновенным. Блистательный, известный, успешный

телевизионный продюсер, ты позволял себе быть снисходительным с высоты своего Олимпа, в меру надменен, в меру щедр и открыт, ироничен и циничен ровно настолько, чтобы подчеркнуть свой статус. Но главное: профессионал, каких мало, человек, прошедший всю телевизионную кухню с нуля, начав простым, никому не известным репортером и поднявшись до вершин. А я только-только начинала что-то там блеять в репортажах и совершенно ничего не умела, мне просто невероятно везло, да и только, но везение никогда не заменяло знание, опыт и владение ремеслом. Мне было невероятно интересно новое дело, в которое я случайно влезла и которое увлекло меня с головой, хотелось его осваивать, учиться, развиваться, и тут на меня обратил внимание ты. Сам Семен Галантов. Чем уж я тебя привлекла, до сих пор не знаю. В «Останкино» полно невероятных красавиц, умниц, талантливых и творческих, готовых за толику твоего внимания на что угодно. Но не суть. Ты отчего-то решил помогать осваивать мастерство именно мне и учил, наставлял, подсказывал, был очень внимателен и заботлив, но одновременно и требователен до жестокости. В тебя невозможно было не влюбиться. Помнишь, – усмехнулась она воспоминаниям, – как ты мне тогда сказал про фамилию и муштру?

– Да, помню, – хмыкнул Семен, – что-то вроде: пусть вас не вводит в заблуждение моя галантность, я не соответствую своей фамилии. Галантен я бываю только тогда, когда мне это выгодно, в остальное время я циничен и расчетлив. А вы, если намерены стать настоящим профи с большой буквы, готовьтесь к тому, что я буду вас беспощадно муштровать, как немецкий капрал нерадивого рядового.

– Да, – усмехнулась Ася. – Капрал рядового. Ты всегда был немного в роли, все время. В роли эдакого олимпийского небожителя. Но последние полгода, после того как ушел с телевидения, устроив грандиозный фейерверк, оказался не у дел, тебе просто некуда деть свою энергичную натуру и свою привычку играть эту шикарную роль успешного продюсера. А тебе необходимо постоянно играть, выдерживать имидж, блистать на публике. А когда аудитория сократилась до одного зрителя в моем лице, ты зачах, заскучал и маялся от вынужденного бездействия, вот и развлекался, изображая вредного мужа-ребенка. Должна сказать тебе, Сеня, что артист ты хреновый. Хоть и тренировался последние полгода как мог. Но получалось плохо. Капризный, истеричный мужчина в тебе, без сомнения, есть, как одна из составляющих твой характер сущностей. Но не до такой степени, как ты мне здесь демонстрировал. Ты сильно переигрывал, стараясь меня достать, и наша жизнь начала напоминать какой-то фарс, непрекращающийся водевиль. И кажется, перешла ту грань, где еще была точка возврата, – и она посмотрела на него прямым, открытым взглядом. – Просто

пришло время расстаться, и мы оба об этом знаем.

– Не называй меня Сеня, Аська, – вдруг потребовал Галантов. – Последнее время ты стала часто называть меня этим уменьшенным именем.

– Да? Но ты вроде не возражал, а я как-то не замечала, – удивилась Ася.

– Не возражал, а ты не замечала, – повторил он за ней и усмехнулся саркастически: – Семен, Ася, это имя, а Сеня – это уже характер. Я Сеней не был никогда.

– Да, прости, – поняла она, о чем он говорит.

– Ты всегда была легкой, Аська, я тебя за это и полюбил и ценю, – улыбнулся он ей печально. – Никаких драм. Да значит да, ну а нет значит нет. Не получилось. Принимаешь обстоятельства такими, какие есть. И если почувствовала, что в какой-то жизненной ситуации тебе неуютно, не нравится, или вдруг понимаешь, что дело, которое делаешь, не твое, не по душе и интересу, всегда меняешь жизнь под себя, не боясь никаких перемен. Такая поразительная внутренняя свобода, такая редкая врожденная черта характера. Это завораживает. Удивительная житейская легкость.

– Ты же прекрасно знаешь, что я не очень понимаю драмы и не люблю пустой дешевой пошлости. Не понимаю натужности житейской и остервенения, с которым люди ругаются и предъявляют друг другу претензии. Люди, выясняющие отношения, слышат, как правило, только себя и свое оскорбленное эго. И я откровенно не понимаю, на фига жить вместе, если вам так плохо вдвоем.

– Это потому, что ты никогда не любила по-настоящему, Ася. Истинно, на всю катушку, от всего сердца, так, что ты – это он, а он – это ты, – пояснил ей Семен.

– Может, – согласилась она. – Но страсти, выяснения-разборки – это не моя история, ты же знаешь.

– А вот про это ты никому не говори, а то турнут с работы, – весело посоветовал Галантов. – Миром правят страсти. Все мировое искусство основано на страсти. И

суть твоей профессии – это не поиск свежих новостей, это эмоции, накал чувств: они костяк, основа, так сказать. Задача любого репортера – розыск и достойная подача страстей. А если их нет, значит, вложи в эту новость свою страсть, упакуй в страсть и преподнеси со страстью. Это то, чего хотят люди, чего они жаждут и потребляют. Вечную формулу управления народом никто не отменял с римских времен: «хлеба и зрелищ» – накорми и развлеки. А страсти – это механизм подачи развлечения, способ направлять людей, это всегда надрыв чувств, любовь-ненависть, когда-то я все это тебе подробно объяснял. А что касается тебя, Ася, то ты просто еще не испытала сильных, глубоких, по-настоящему сжигающих чувств, поэтому и берешься рассуждать о драмах так пренебрежительно. – И неожиданно спросил: – Ты почему решила именно сейчас разводиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/ruki-moey-ne-otpuskay

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити